

Исраил Ибрагимов

ТАМЕРЛАН

(начало пути)

Историческая повесть

Книга дает возможность ощутить художественный образ средневекового Мавераннах (середина XV в.); вместе с тем это – своеобразное авторское видение молодых лет создателя империи Тимуридов, полных напряженной борьбы за власть, а подчас просто за выживание – о Тимуре сыне Торгая, известного в мировой истории великого государственного деятеля и полководца эмира Тимура – Тамерлана

Публикуется по книге: Исраил Ибрагимов. Тамерлан (начало пути). – Б.: ИД «Наука и образование», 2003. – 110 с.

Тираж 500 экз.

1

Начало осени... Излучина долины безымянной реки. Вдали заснеженные вершины гор. Покатый сверху курган, внизу табун коней. Окрики коневодов – пастухов.

На вершине холма сгрудилась группа юношей- пастухов, вооруженных луками, а кое-кто – и ножами. Один из них и вовсе саблей, на которую оперевшись, он стоит, с лукавинкой в глазах озирая товарищей... Это – Чеку Барлас, известный среди товарищей как паренек с эксцентричным, эпатирующим нравом, что дает им право воспринимать его полушутя-полусерьезно... Он шут, но когда надо – воин...

Однако на этот раз не до шуток – речь держит Долон – парень видный. Лидер.

Галдеж.

- Слово – Долону. Шпарь Долон, - это, размахивая саблей произносит Чеку Барлас.

- Заткнись, Чеку! Язык у тебя длинный. Я не прошу слова – запомните: когда мне нужно, я беру его без разрешения. Тем более без твоего придурок!

Слова Долона вызывают веселое оживление.

- Завтра на рассвете снимаемся. Уходим...

Возгласы:

- Куда?

- Зачем?

- Сардар, скажи, - Долон обращается к одному из товарищей, - говори

как есть. Прочисти мозги безмозглым!

- Я только что оттуда, - начинает Сардар.

- Говори откуда! Не темни!

- Из-за Тикдага...

Все головы поворачиваются в сторону, туда, где вдаль в дымке виден пик горы...

- О, там много мест, где можно справить нужду, не опасаясь, что сядет на твою голову сорока, - это опять, не сдержавшись, говорит Чеку Барлас.

Хохот. Реплики: «Ну, и как? Справил? А что сорока?»

Долон грозно надвигается на балагура – тот полудурашливо, полусерьезно отступает за спины товарищей, что вызывает снова хохот.

- Там – табуны Камарадина...

Воцаряется молчание – лица вмиг становятся серьезными.

- И стойбище там?

- Нет, но стойбище там станет следом... Через пару дней Камарадин будет здесь...

- Ну, что ясно, безмозглые? – спрашивает Долон.

- Не всё, - говорит один из юношей.

- Тебе? – обращается Долон к другому.

- Мне-то что...

- Тебе?

- А что. Так не терпится? – спрашивает робко юноша.

- Ему не терпится, свидеться с невестой... ай-ай! Как сладки сиськи Жамбы!...

- Замолчи, собака!

- Мне не ясно, - вдруг выступает вперед молчавший до сих пор юноша.

- Ему не ясно, эй, слушайте! – подталкивает юношу Чеку.

- Он сосунок. Его только что оторвали от материнской груди... Ну, что тебе не понятно? – сердится Долон.

- Мне не ясно, - упрямо твердит юноша.

- Ему не ясно, - в той же манере говорит Чеку.

- Эта земля принадлежит племени Камарадина. Это его пастбище – теперь ясно, сосунки?.. Они идут сюда и не позже третьего дня будут здесь – теперь ясно, облезлые придурки?! – сердится Долон. – Нас с ноготок, а они вооружены. Их тьма. Снимаемся – возражения не хочу слышать.

- Мне не ясно...

- Чтобы все было готово сейчас же. Пошли...

Группа обескуражено собирается разбрестись.

- Стойте! – У меня предложение, - почти с металлом в голосе выкрикивает юноша.

Люди замирают на месте.

- У него предложение, - подхватывает Чеку.

- Этот мальчик только что оставил в покое материнские сиськи. И уже – смотрите-ка! – ничуть не колеблясь, говорит юноша.

- Для чего?

- Мы высечем Камарадина, мы угоним его табун.

- Высечь Камарадина!? – хохочет Долон, за ним – остальные.

- Ты не в состоянии натянуть тетиву лука. Тетива – не твоя просранная штанина. Ну-ка, Чеку, помоги этому молокососу натянуть тетиву – пусть сначала попробует попасть...ну, во... хотя бы, в это дерево...

Чеку подходит к юноше – тот его решительно отстраняет, достает из колчана стрелу...

Хохот замирает – внимание всех, почуявших серьезность ситуации, целиком сосредоточено на действиях юноши. И лишь Долон продолжает вызывающе посмеиваться, да Чеку все еще не отступает от своей манеры подшучивать. Но вот и он уgomонился, сказал:

- Он умеет натягивать тетиву!

Да так и произошло: юноша медленно, казалось, нарочно медленно, достает из колчана стрелу, медленно натягивает под пристальным взглядом товарищей лук, прицеливается в дерево и вдруг пускает стрелу прямо... в Долона – тот с хриплым вскриком хватается руками за стрелу, которая врезалась ему в сердце... и падает...

Люди в шоке. Кое-кто бросается к поверженному – у того из горла хлыщет кровь, но тем не менее он успевает сказать:

- Ты смог натянуть тетиву.. со-бака!...

И умолкает.

От трупа отпрянул Чеку – закричал:

- Тимур сын Торгая умеет владеть луком! Слышите! Все слышали!

2

Тот же холм. Те же люди. Кое у кого немой вопрос к Тимуру, но он, как воды набрал в рот. Зато оживлен, как всегда, Чеку. Он причитает:

- Проклятый Камарадин! Зачем тебе нужно было убивать нашего батура, - а потом, как бы опомнившись, подходит к Тимуру, протягивает тому свою саблю.

Тимур отстраняет дар:

- Я добуду сам... - обращается к товарищам уже не юноша, а признанный верховод.

- Все умеют натягивать тетиву?

Молчание.

- Конечно, все. Я так и знал... Сейчас пойдем в Тикдаг. Все, кто умеет натягивать лук идут со мной. Остальные... Остальные гоните... табун домой... Мы нагоним через пару дней... Старайтесь гнать по руслу реки... Ясно? А сейчас жрать.... Жрать...

3

Трапеза. На дастархане – груды мяса – и только. Нюанс: юноши, точь – в

точь взрослые мужчины, не дотрагиваются до пищи. Но вот большую чашу в первую очередь преподносят... Тимуру. Он, несколько помедлив, немного подумав, решительно отрезает кусочек мякоти и, откусив, передает чашу по кругу. То же проделывает он со следующей чашей... - у взрослых людей это является символом старшинства. Таким образом, в кругу товарищей как бы узаконивается лидерство Тимура. Обед постепенно превращается в веселую трапезу. По кругу – но опять же первым Тимуру – передают бурдюк с кумысом.

И вот в пляс бросается Чеку. Танец егво напоминает пляску шамана – разница лишь в том, что шаман в руках держит бубен, а этот – саблю... О, что выделяет с саблей Чеку! Он выкрикивает абракадабру слов, вроде: «Камарадину кол в задницу... Камарадину саблю в живот...» и т.п. Усталость наконец-то валит его с ног, Чеку падает на спину, дурашливо дрыгает ногой... Тимур поднимается с места:

- Все – к делу! Седлаем лошадей!

4

Небольшая кавалькада из не более 30 всадников переходит через брод горной реки. Впереди – Сардар. К нему подъезжает Тимур:

- Ты уверен, что это короткий путь?

- Я не обещал тебе короткого пути.

Тимур делает взмах камчой, - конь встает на дыбы – собираясь огреть Сардара. Тот упрямя:

- Что зачесались руки?

Подъезжает Чеку:

- Сначала выслушай, зачем горячиться!

- Ну!

- Я веду незнакомой Камарадину дорогой: не в лоб, - продолжает Сардар. - В спину!

- Смотри! Без глупостей! – в голосе Тимура слышится угроза.

- О, как напугал! – иронизирует Сардар, бьет камчой коня, тот, потеряв как бы осторожность, рвется в пучину реки почти вплавь, за ним следуют другие...

А вот они едут по террасе горной реки... по склону безымянной горы... по уступу красноцветного, типа бед-ленд, косогора... исчезают за ним...

5

За увалом в лесу, укрывшись за ветвями деревьев, за неровностями рельефа, лежат Тимур с товарищами. Наготове луки со стрелами. Тихо, да так, что слышен стрекот кузнечиков.

Внизу – три больших шатра, костер вокруг шатра – люди, о чем-то оживленно беседующие. Это – камарадинцы. Далее, у реки, - табуны коней. Долина там и сям покрыта зарослями кустарников, стелющейся арчой...

Рядом с Тимуром – Чеку.

- О! Сколько хороших мест для того, чтобы справить большую нужду!...

Под пристальным взглядом Тимура Чеку осекается:

- Хорошо, хорошо. Молчу!

Тимур знаком приглашает товарищей за увал, на короткий совет.

- Ты, Сардар, и вы с ним, - показывает на небольшую группу своих сверстников, - бьете вон туда... ближе к шатру... Ты, Жабон, - по крайнему костру... Я пойду в центр.

- Я с тобой! – тут как тут объявляет Чеку...

- По два выстрела! Будем надеяться: после этих выстрелов их станет вдвое меньше... и тогда с криками во всю глотку выскакиваем... Понятно?.. С криками! Каждый за двоих! Орать так, чтобы сотрясалась земля! Расколось небо!

6

В лагере Камарадина его люди обговаривают свои повседневные дела. Впрочем, без Камарадина.

- Это не самое лучшее место для стойбища, - говорит один.

- Рядом река – что еще надо для стойбища? – возражает другой. – Стойбище надо ставить здесь.

- Лесистое поле... - молвит третий.

- А для тебя одна радость набить пузо...

Тот, которому говорят о пузе, шутливо демонстрирует это самое “пузо”, исторгнув “музыку”, что, разумеется, вызывает хохот. И вдруг... в это самое “пузо” с неистовой силой врзается стрела.... В другого, третьего...

В лагерь врываются люди Тимура, хватают у поверженных сабли, неистово рубятся... Минута – другая и камарадинцы бегут в сторону лесистого увала... падают поверженными от стрел. В середине побоища, как и следовало ожидать, неистово рубится Тимур. Он столкнулся с каким-то камарадинцем. Удар, еще, еще и – противник повержен на

землю. Тимур, приставив к горлу лезвие клинка, спрашивает:

- Где Камарадин!?

- В стойбище...

- Он будет здесь?

- Да.

- Когда?

- Через три дня...

Тимур убирает ногу с поверженного. Остальные скучивают пленных у деревьев, вблизи опрокинутых шатров...

- Знаешь с кем имеешь дело? – спрашивает Тимур у одного из пленных.

- Ты Долон – любитель бесплатного, - поспешно бросает один из пленников Тимуру, но под взглядом последнего считает за благо прикусить язык.

- Ты!? – это вопрос к следующему пленнику.

- Вы паршивые барласовцы! – в порыве гнева бросает тот.

-Ты!?

- Знаю, вы барласовцы, а кто ты – не хочу знать... нет, нет, знаю: ты гнида!...

К нему с оружием в руках бросаются барласовцы, но Тимур движением руки – о! Это напоминает в какой-то мере уже движение руки

повелителя! – останавливает товарищей... показывает на деревья рядом:

- Вековые...

- Я только что за одним из них справил бо-о-ль-шую нужду – замечательно! – нарочито вздыхает Чеку, затягивая шнур на кожаной штанине.

- Каждому, - говорит Тимур, - по дереву!

Побежденных не более 10! Их шумно, каждого в отдельности, закручивают к деревьям поблизости.

- А с этими, что делать?

К Тимурю подводят двух молодых пленных.

- Что делать с пленными камарадинцами? – на вопрос вопросом отвечает Тимур.

- Они утверждают, что они не люди Камарадина.

- ?

- Они туркмены и прибыли к Камарадину закупать лошадей...

- Кто вы? – наконец-то Тимур удостоивает туркменов серьезного внимания.

- Я... Мурад... он Курбан...

- Я спрашиваю не об именах...

В глазах пленных – смятение.

- Вам нужны лошади?

- Да, да.

- Вот товар! – Тимур показывает взглядом на табун камарадиновских коней – Берете?

- Да! Да! – туркмены по-прежнему в смятении.

- Не даром.

- Мы... понимаем, понимаем, господин... Мы платим... платим...

Туркменов отводят в сторону.

Тимур подходит к одному из котлов, вытерев о подол лезвие сабли, достает ею солидный кусок мяса, откусывает, отдает товарищу:

- Полный желудок – друг твердой руке! Тебе... Тебе... Ну, кто еще в состоянии натянуть тетиву на луке?

Недоеденные ломти мяса отбрасываются оземь на скатертеобразное приспособление камарадинцев. Вперед выступают победители – Тимур молвит:

- Кто говорит, что барласовцы – вошь и гнида сейчас убедится: барласовцы – есть барласовцы. Это говорю я, Тимур сын Торгая.

Глаза обреченных полны ужаса. Луки натянуты до предела. К Тимуру, откуда не возьмись, подбегает собака – он ласково подносит ей кость, гладит по голове. В это время в обреченных летят стрелы. Тимур делает вид, что он целиком занят собакой.

Чеку в это время подходит к одному, трогает саблей, разрубает ремень, говорит:

- Этот на небесах.

Со вторым поступает также, у третьего, с большой родинкой на лице, - секундная заминка, ибо у того стрела проткнула предплечье, - но все-таки разрубив сыромятный ремень, Чеку произносит: "На небесах...". То же происходит со всеми, после чего Тимур командует:

- С богом в путь!

7

Ночь. Полнолуние. Степь.

Победители гонят захваченный у камарадинцев табун лошадей. Рядом едут Тимур и Сардар.

- Тимур, смотри какая луна! – говорит восхищенно Сардар.

- А вдали, над горизонтом, две звезды. Как ты думаешь, хорошо бы стать одной из этих звезд – той, что поярче?

Далее голоса идут за кадром.

- Ты о чем, Тимур? С головой у тебя в порядке?

- Нет, еще не свихнулся, - смеется Тимур.

В это время к названным пастухам присоединяется третий – Чеку Барлас:

- Слышите! Прислушайтесь!

- Ну, слушаем, - это голос Тимура.

- Тихо! Вот... вот... - а это голос Чеку.

Сквозь топот лошадей слышится вой волков.

- Волки! – это голос Сардара.

Небольшая пауза, которую прерывает голос Тимура:

- Где победа, там и волки.

- Как тебя понимать?

- Как хочешь, так и понимай.

- Мне послышалось, что ты сказал о победе?...

- Я так и сказал? Ах, да, я действительно сказал что-то такое. – слышится голос Тимура. – Я и сейчас скажу: победа подобна яркой звезде.

- Кажется, я... понимаю, - говорит Сардар.

- А чего тут не ясного, - слышится голос Чеку Барласа – Хорошо мы высыпали этому... Камардину, правильно говорю, Тимур? Пусть почешет свой зад!

Смеются.

Табун как бы растворяется в степи... Растворяется в вязкой ночи и вой волков...

8

Разгромленная стоянка камарадинцев.

Над знакомым нам раненым в предплечье с большой родинкой на щеке

юношей склонились его соотечественники, пытаясь того привести в чувство. Однако напрасно: тот едва шевелит губами и, что-то сказав невнятное, умирает. Тотчас происходит нечто, характерное шамано – мусульманским обычаям: причитания и т.п...

9

Но вот среди скорбящих камарадинцев определилась группа людей – предводителей. Среди них – один или двое юношей. На почетном месте – старец...

- Что успел сказать умирающий мусульманин? – спрашивает один из них.

- Ничего, - следует ответ.

- Ни слова?

- Это барласовцы! Это их рук дело...

- Барласовцы.... барласовцы, вам нечего больше сказать... - старец явно недоволен. – И безмозглая женщина скажет – не уйдет далеко от истины – барласовцы! И все-таки, укажет, кто из них...

-Имя его... что-то на «Т», - вставляет один.

- И на «Д», - поспешно добавляет другой.

И снова воцаряется пауза, которую нарушает старец:

- Ясно: это из тех, кто умеет натянуть тетиву лука... Взрослые мужчины...

- Нет! Нет! – вдруг вскакивает с места юноша, который выделяется среди других не только молодостью, но и статью, благородными

чертами лица...

Люди медленно оборачиваются к нему...

- Ты знаешь кто?

Юноша считает за благо отмолчаться.

10

К вершине медленно поднимаются двое юношей. Один из них тот, с которым мы только что познакомились в предыдущей сцене, у старца.

- Ты думаешь, что это сделал Долон? – спрашивает у него товарищ.

- Нет, не Долон. Помнишь, скотный базар на окраине Самарканда. Помнишь парня, который глотал слюни при виде игреневого коня?

Товарища наконец-то осенила догадка:

- Ты думаешь, что это дело рук молокососа? Ты этому веришь, Камарадин?

- Мы все когда-то были молокососами, мы все когда-то держались за сиськи матери.

- Но мы тюрки, а не барласовцы! И наш тотем – волк!

- Хорошо, пусть будет так – это не имеет большого значения. Барласовец - тот же тюрк! Мусульманин! Он также верен принципам Ислама!

- А что имеет значение?

- То, что он умеет натянуть тетиву лука – вот что!

- И все?

- Нет не все, Садридин. Важно то, что я узнал этого человека...

- Ты знаешь, кто он?

- Да, его зовут... Тимур! Ты хорошо слышишь?

- Значит, все-таки...

Камарадин вздевает руки, сжатые в кулак, кричит, почти впад в транс:

- Тимур! Будь проклят! Клянусь, я найду тебя и ты ответишь за сое злодеяние!...

11

На узких улочках кишлака барласовцев редкое оживление: по ним герои-пастухи, гонят “вражеский” табун... Среди погонщиков лошадей – знакомые туркмены...

- Идут! Идут! – слышится отовсюду.

На улочки выбегают люди и, конечно, в первую очередь дети.

- Едут! Едут!

К заборам устремились женщины, пожилые и девушки; из-за заборов их головы напоминают головки подсолнухов.

Обмениваются свежей информацией старухи:

- Говорят, вражья стрела сразила Долона сына Эренжена.

- А сражение возглавил сын Торгая.

- Тимур?

- Да, он. Вот тебе и мальчишка!

Какой-то молодой человек выкрикивает: “Хвала Тимуру!” “Хвала барласовцам!”, его одергивает пожилой мужчина: - “Тихо! Придержи язык за зубами – тебя слышат!” – он кивает в сторону человека, который действительно с болезненной подозрительностью глядит на них.

А между тем по ту сторону глиняного забора происходит вот что. К Тимуру подъезжает Чеку, говорит:

- Ах, как на тебя смотрит Жамбы!

- Какая из них Жамбы?

- Ты не в состоянии отличить среди обыкновенных камешков прекрасный лал!...

Но и без подсказки приятеля Тимур – а он довольно резко своей статью, излучающей ауру настоящего богатыря-молодца, выделяется среди своих товарищей...

- Ну-ка, мигом отсюда! – отстраняет от стены девушек некая дородная тетенька. – Марш! Марш!...

Все (также весело) отпрянули от забора в глубину двора. Кроме одной, очаровательной Жамбы, которая, не в силах скрыть свои чувства, смотрит на уходящий вглубь улочки табун, вернее, на одного из погонщиков – на Тимура. Тот также как бы под гипнозом глаз девушки оборачивается. На какое-то мгновение их взгляды встречаются. Впервые. И такое впечатление, что для них это самое сладостное,

чарующее мгновенье...

- Какие у нее прелести – у меня текут слюнки! – говорит Чеку.

Тимур оборачивается, однако за забором уже никого нет.

- Не забывай, что этот замечательный лал специально богатые родители готовили для... Долона... А может быть для Саллеха...

- Закрой свою пасть шакал! – говорит Тимур и с нарочитой серьезностью бьет приятеля камчой по спине...

- Ой! Ой! Убивают лучшего джигита из барласовцев! – в тон подыгрывает Тимуру Чеку, разумеется, ничуть не обидевшись.

А там вдали по-прежнему слышаться (постепенно, правда, затухая) ликующее: “Едут!” “Едут!” ...

12

Тимур, Чеку и другие барласовцы.

Чеку преподносит Тимуру мешочек с монетами:

- Это плата за лошадей...

Тимур долго перебирает в ладонях монеты, внимательно, явно размышляя, смотрит в глаза Чеку, смеется. Следом смеется и Чеку. Но вот оба как бы разом умолкают и Тимур спрашивает тихо:

- Что делать с... этим?

- Тебе, Тимур, половина, остальное... поровну! – моментально приходит в себя Чеку.

Воцаряется напряженное молчание, которое, опять же тихо, выговаривая казалось бы каждый слог в слове, прерывает Тимур:

- Все – для всех! Каждому поровну!...

И смотрит в глаза поочередно каждому...

13

Панорама гор постепенно переходит в панораму предгорий, чем-то напоминающую холмогорья, а те в свою очередь, в степь, покрытую каменистой почвой и скудной растительностью.

А вот и оазис – по обеим сторонам реки – террасы, густо заросшие деревьями, кустами шиповника, барбариса, разнотравьем... В зарослях едва приметна тропа – по ней, что-то напевая себе под нос, едет... Чеку. Чеку явно доволен собой, останавливает коня, говорит себе:

- Ты молодец, Чеку Барлас! Никто лучше тебя не умеет так ловко натянуть тетиву на лук! А орудовать саблей!? Где она, родная? Ага, вот она! – Чеку тут же, не сходя с седла коня, проделывает несколько взмахов саблей, похваливает себя: - Вот так! Ай, да, Чеку! Ну и ловок же ты! Тебе бы еще и невесту... такую, как... эта Жамбы... Ах, какое у нее личико! А эти... - вдруг испуганно обрывает он фразу, останавливает коня, прислушивается...

Где-то неподалеку слышаться мужские голоса. Чеку привязывает коня за ветвь дерева, незаметно сходит с тропы, ловко крадется среди деревьев. И не напрасно, ибо вскоре на одной из полян он видит небольшую, из 4-6 человек, группу взрослых мужчин из своего кишлака. Нетрудно догадаться, что речь идет о чем-то тайном и, безусловно, серьезном...

- Кто сказал, что это он повелел угнать табун?! – спрашивает, горячась один из них.

- Об этом знают все, - огрызнулся второй.
  - А мы кто!? – вопрошает, еще более горячась, первый.
  - Да, кто? – поддерживает третий. - Мы братья Долону или... безмозглые сурки?
  - А кто этот... Тимур! – не теряет прежнюю инициативу первый...
  - Собака, которую родила навозная куча – вот кто!...
  - Он убил Долону. Об этом говорят всюду. Позор нам!
  - Смерть ему!
  - Но может быть его предать суду? Нашему, барласовскому?
  - Что наш, что шариатский суд – одно и то же...
  - Что!? – в гневе вскакивает на ноги первый.
  - Мы, братья Долону, мы главы племени и решение за нами...
  - Смерть! Всему роду Торгая.
  - Смерть! Сегодня же!
  - Они хотят всех нас, барласовцев, взять в руки.
  - Все за это решение? Кто против пусть покинет нас...
- Заговорщики молча остаются на месте. Чеку бесшумно покидает свой “наблюдательный пост”: на цыпочках удаляется...

14

А вот он уже мчится по заросшей тропе, огибая неровности рельефа... мчится по степи, подгоняя коня камчой...

15

Двор Торгая, отца Тимура. Длинная пристройка типа конюшни. Тимур, очевидно, только что приехавший откуда-то, расседлывает своего коня. Входит взволнованный Чеку:

- Смотри, у меня трясутся руки и я не в силах натянуть даже тетиву лука! Кто скажет, увидев сейчас меня, что я лучший... э... воин-барласовец! Я не в состоянии вытащить саблю из-за пояса! Я развалина, чтоб мой язык отсох, прежде, чем молвит слово...

- Довольно! – обрывает резко и вместе с тем дружески Тимур – Дело не в твоём языке – выкладывай.

Чеку просит Тимура наклонить к нему ухо.

- Здесь нет никого, кроме нас. Выкладывай!

- Беда! – наконец-то решается говорить Чеку.

Тимур принимает серьёзный, насколько это возможно, вид, машинально подставляет ухо.

- Тебя, хотят... того... - Чеку Барлас проводит острием ладони себе по горлу.

- Кто?

- Известно кто – братья, дядья Долона, - Вот эти глаза видели, а этими ушами я слышал... Только что...

Тимур мгновенно преображается, лицо его становится озабоченным...

- Они придут... ночью... но ты не отчаивайся... Я с тобой!...

Чеку входит в свою роль:

- Я их! – но увидев на лице Тимура нечто тревожное, умолкает – Что делать? Может быть пока не поздно, махнуть отсюда... В Кеш?, Самарканд?...

- Нет! Нет! Что случится, того не миновать... пусть приходят – я встречу их!

- Я с тобой! Ты хотел сказать “мы встретим”!

- Спасибо, друг! А сейчас за работу! Видишь, в углу куча попон – неси их к лежаку! – командует Тимур и после небольшого раздумья говорит то ли Чеку, то ли себе: - Подумаем, как встретить достойно гостей...

16

Тимур с Чеку готовят действительно достойную встречу гостей. В духе современных заокеанских боевиков: там и сям упрятаны луки, сабли и др. На лежаке с помощью седел, попон, одеял и др. сооружена кукла – чем-то весьма отдаленно напоминающая спящего человека, ну, и т.д.; определены “огневые точки” – словом, двор обращен в боевой полигон. Правда, тщательно замаскированный...

- Ночь обещает привести хорошую луну, - это говорит Чеку.

- С помощью Аллаха, - а это Тимур.

- Одного боюсь, - заявляет Чеку, - в опасности твой отец, мать...

- Их нет дома.

- Как бы вот здесь у меня, - показывает на живот, - не выстрелило преждевременно.

- Смотри, не вспугни! – смеется Тимур.

17

С момента угона камарадинового табуна минуло не более одной недели, поэтому картина ночного неба почти не изменилась:

Наверху – почти полнолуние, по краям горизонта – там и сям мелькают звездочки. То – есть стоит типичная для Центральной Азии ночь, достойная пера изысканного придворного поэта... Разница лишь в том, что мы ее, ночную картину, несколько раньше наблюдали в степи, а сейчас она висит таинственным мистическим занавесом над барласовким кишлаком. И не просто над кишлаком – а конкретно над двором Тимура.

А вот и сам Тимур – пара настороженных глаз внимательно из-за щели между двумя жердями оглядывают двор. А вот и его верный приятель Чеку Барлас. Он также в засаде, в некоем закутке между двумя готовыми к бою луками. Чеку Барлас, как ни в чем не бывало, позевывает, отстукивает дробь на животе... Если взглянуть на прицел одного из луков, то можно увидеть в 7-10 метрах от него лежанку со спящим человеком. Но мы-то по предыдущему эпизоду знаем, что это вовсе не спящий человек, а кукла – приманка...

Секунда – другая посвящена стрекотанью цикад... и теням от предметов во дворе.

Но, чу! Что это? На крыше появляется часть человеческого силуэта, рядом – еще, еще, еще... Пара глаз заметалась в щели между жердями. Чеку Барлас, снова зевнув, застывает с открытым ртом... Один, два...

- Восьмером! – шепчет Чеку Барлас.

И начинается! Двое, ступая на цыпочках, подходят к лежанке. Кукла, приводимая в движение Тимуром веревкой, действительно создает иллюзию ворочающегося во сне человека. Незнакомец из всей силы намерен проткнуть «спящего» и уже делает взмах, ухватившись обеими руками за рукоятку сабли, но... пущенная Чеку Барласом стрела в этот миг пронизывает его насквозь – тот ничком падает наземь. То же происходит и со вторым...

-Засада! – кричит третий, наконец-то сообразив.

Он бросается с саблей на Чеку Барласа. Из укрытия выскакивает Тимур.

- Нужен Тимур – вот я – получайте! – восклицает он, бросившись в гущу сражающихся, придя на помощь приятелю.

Но вот повержен третий. Четвертый... пятый... Он демонстрирует подлинное искусство владения саблей. Тимур с помощью приятеля одолевает и шестого... седьмого... Последний, наверняка юноша, пытаясь одолеть забор, неловко падает, в ужасе закрыв глаза...

- Пощадим? – спрашивает разгоряченный Чеку Барлас.

На секунду – другую кажется, что так и будет: Тимур, конечно, пощадит врага, который продолжает сидеть у забора, всхлипывая. Он отбрасывает в сторону саблю, но... просит повелительно у Чеку Барласа... лук со стрелой.

- Он отпрыск Эренжена – нет им пощады!

Тимур натягивает тетиву... стрела вонзается в грудь юноши.

Все.

- Куда их! – Чеку Барлас показывает на лежащие там и сям трупы.

- Никуда!

- Останутся до утра?

- А ты как думаешь?

18

Тот же двор на следующее утро заполнен почти на половину людьми. Это – преимущественно пожилые и более того мужчины. У дверей дома - хозяйева: отец Тимура по имени Торгай, сам Тимур, 2-3 его приятеля, в числе их, разумеется, и Чеку Барлас, Сардар и еще один, запомнившийся нам по предыдущим эпизодам.

Речь держит, как и положено, отец Тимура:

- Вот трупы. Взгляните, люди, они лежат там, где их души унесли в небо по воле Аллаха!

- Не по воле Аллаха, а по воле молодчиков, тех, кто стоит рядом с тобой, Торгай.

- Кто это говорит?

Из толпы высовывает голову мужчина:

- Ну, я – и что?

- Никто тебя не станет осуждать: твои слова верны. Более того, скажу откровенно: слушайте, барласовцы! У этого молодчика, который отправил души детей досточтимого Эренжена в небо, есть имя – вот он!

И тут неожиданно ситуация круто меняется. Тимур стоит, как бы возвышаясь над другими, мимо него, прижимая к груди руку и как бы выражая с ним и солидарность, и нечто большее (похожее на

официальное признание его лидерства), проходят барласовцы... С этого момента Тимур еще больше (а ведь со времени первой встречи минула едва ли неделя!) становится похожим (конечно, не вполне) на того Тимура, образ которого сохранила нам история.

19

- Т-с-с! – Чеку Барлас прикладывает палец к губам.

Тимур со своим приятелем пробираются сквозь заросли к реке.

- Любишься! Ай, да Чеку Барлас: все знает, все видит! – чмокает губами приятель. Тимур потрясен. Дело в том, что на мелководье реки, за густыми зарослями облепихи, купается... Жамбы! Купается весело, как и положено девушке лет 14-15, в нижнем белье до пят, купается, что-то напевая. Чеку Барлас в своей характерной только ему манере, делает попытку сказать что-то по этому поводу скабрзное, но под резко осуждающим взглядом Тимура мгновенно осекся:

- Я ухожу!... Я ничего не видел! – говорит он, отступая.

Однако для Тимура такого рода покаяние явно недостаточно – он процеживает сквозь зубы:

- Вон!

Ветви зарослей за Чеку Барласом сомкнулись, его рядом как и не было. И тогда Тимур, не в силах подавить в себе нахлынувшие чувства, продолжает наблюдение за купальщицей. Жамбы, немного чисто по-женски покувыркавшись в воде и оглядевшись на всякий случай вокруг, выходит на бережок... раздевается... выжимает белье, раскладывает его едва ли не перед носом Тимура...

Перед Тимуром – невероятное зрелище: он впервые видит перед собой женские прелести. И кого? Любимой, правда, пока тайно любимой,

девушки однозначно очаровательной, редкой красоты... Жамбы, заметив Тимура, вскрикнула, поспешно закрылась сухим платьем. Реакция Тимура необычна. Он ее, казалось бы, привлекает к себе, гладит по лицу, но тут вдруг резко преображается, отталкивает её от себя, перед тем больно, «влепив» 2-3 пощечины, бросается прочь...

20

Небольшой совет молодых барласовцев. Тимур протягивает одному из своих сверстников, Омару, свиток:

- Ты у нас, Омар, самый грамотный – прочти, что здесь написано, да погромче!

- Но ты – грамотей похлеще нас! – как бы возражая, берет свиток Омар.

- Читай! – говорит Тимур тихо и властно.

Омар разворачивает свиток, читает:

- “Тимуру сыну Торгая, племяннику Ходжи Барласа и всем барласовцам от Камардина, доблестного сына Джаледина. Всем известно, что твоему поступку может позавидовать шакал, который своим порождением обязан злему человеконенавистному Иблису...”

Омар смущен, обращается, к Тимуру:

- Читать дальше?

- Читай!

- Нечего выслушивать эту выжившую из ума лису, - говорит с искренним возмущением аргасовец по имени Саид, - Он хуже Иблиса.

- Дай мне бумагу – я подотру ею свою задницу, - говорит Чеку.

Все смеются.

Но не таков Тимур – он голосом властным приказывает:

- Это неспроста. Читай дальше. Что предлагает Камарадин?

Омар продолжает:

- Он пишет: “ Если ты считаешь иначе, предлагаю тремя сотнями с моей стороны и тремя сотнями, с твоей, встретиться на извилине Красной реки... и справедливый Аллах нас рассудит...” .

- Вот соль послания! – восклицает Тимур. – Когда он предлагает встретиться?

- Через десять дней ровно... В полдень...

- Да, лиса, но мы хитрее, - молвит Тимур. - Омар пиши:” Я принимаю твой вызов. Готовь своих триста зайцев – мои соколы с трудом сдерживают крылья... Пусть Аллах нас рассудит. Тимур сын Торгая”

- Все? – спрашивает Омар.

- Зовите его гонцов?

Двое выбегают, вводят гонцов Камарадина. Им протягивают бумагу с ответом.

Тимур, как и положено верховоду, повелительно дает знак рукой:

- Езжайте. Да не споткнитесь по пути!

Гонцы уходят. Тимур спрашивает:

- Три сотни... Сможем ли набрать такое количество воинов?

- Если уговорим в Кеше всех, кто умеет держать в руках оружие, - говорит Омар.- Поищем достойных воинов – они есть и в окрестных стойбищах.

- Это невозможно.

- Сотни – две у нас будут точно, - говорит сверстник по имени Закиридин.

- Достаточно... - говорит Тимур. - Надо помнить о трех вещах: Аллах не с ним, а с нами, мы соколы – они зайцы и мы сразимся не в назначенный день, в полдень, а раньше. Мы постараемся застать их врасплох...

- А как же насчет честного сражения? – удивлен Омар.

- Да, да. Мы должны сдержать слово, - вторит другой.

Воцаряется долгая пауза, которую прерывает опять же Тимур. Он говорит медленно, но продумав каждое слово:

- Честных или не честных сражений не бывает. Бывают либо победы, либо поражения!...

21

Внизу у подножья холма – лагерь Камарадина. Кое-где шатры, кое-где скучкованы лошади, люди... На вершине холма затаился Тимур с двумя своими сторонниками.

- Они здесь с утра, - говорит Тимур.

- Вскоре расседлают коней, - вступает в разговор Сардар.

- Тогда и начнем, - молвит Тимур и, повернувшись произносит не без иронии. - Но, возможно, я не прав и надо дождаться до завтрашнего

полдня:

- Нет, нет, - отвечает тот поспешно, стараясь не заметить иронии, - до заката солнца сражение должно быть закончено... - Ты, прав, Тимур.

- Что ж, Сардар, Я думаю, твое предложение разумно, - говорит Тимур и соратники его понимают, что в данном случае речь идет не о “предложении” Сардара, а о тактике самого Тимура. - Тебе, Сардар, со своей сотней и начинать. Тебе, Закиритдин, идти слева, я – справа... Пойдем уступом...

22

Как и в прошлый раз, Тимур застаёт противника врасплох. Шумы (выкрики людей, лягз стали, ржание лошадей, падение тел на землю, стоны и т. п.), характерные для сражения. Сотни стрел, жужжащих в воздухе смертоносными пчелами... В гуще рубится Тимур, неподалеку – его верный Чеку... Рубится изо всех сил и Камарадин, выкрикивая что-то воинственное, к нему пробираются соратники, один из которых выкрикивает:

- Камарадин, сюда!

Через минуту – другую его сотни почти разгромлены, Камарадин и буквально единицы из бывшего, правда, небольшого “войска” бегут прочь... Мчатся по косогору... Камарадин резко тормозит коня – тот едва не становится на дыбы. Останавливаются и другие войны и только теперь мы видим в глазах Камарадина слезы. То – слезы, казалось, ребенка, которому обещанную только – что игрушку передарили другому ребенку... Но – это и слезы человека, безусловно, не слабого, более того, несмотря на неудачу, все еще не потерявшего мужество и надежду. Он вытирает рукавом глаза, всматривается машинально в небо – там, казалось, где-то глубина неба вобрала иные чувства иных людей – сторонников Тимура, выплеснувшихся в победных выкриках...

23

Достаточно долго длится ликование победителей. Тимур не скрывает своего удовлетворения, ибо эта по сути первая настоящая победа в его военной биографии.

А вот он спустя несколько дней, в толпе ликующих молодых воинов, с большим усилием сдерживая радость, принимает хвалу в честь победы, в свой адрес. Тут же неподалеку неунывающий Чеку в кругу приятелей.

- Он – ко мне с саблей – орет: “Я сейчас проткну твое пузо, проклятый барласовец!” Я ему:” А ты видел, что у меня находится ниже пуза?”

Чеку расстегивает штаны, показывает... детородный член! Это еще более усиливает хохот... Но взмах руки, будто обрубает веселье...

- К нам гости, - говорит Тимур воинам.

Воины расступаются, к Тимуру подъезжает небольшая группа гонцов.

- Высокочтимому Тимуру сыну Торгая я привез привет от великого Казангана, - произносит глава группы.

- Я рад любому доброму слову великого повелителя Мавераннахра.

- И еще письмо...

- Письмо?

Гости мнутя.

- Мы не уверены, что послание представит интерес и вашим... несомненно... доблестным воинам...

Намек, более чем прозрачный, правильно понят Тимуром. Он без слов вместе с гостями выезжает из толпы и, отъехав к берегу, кстати, обрывистому, горному, спешивается с коня. То же проделывает и один из гостей.

- Тебе шлет письмо высокочтимый Хаджи Барлас, - гость протягивает на большой свиток.

- Что нужно дяде от меня? – молвит Тимур, читает, лицо его сияет, читает вслух: "...великий повелитель Казанган восхищен твоей победой и пожелал видеть тебя на своей службе в качестве соратника и даже тысячника!... Для нас, барласовцев, это равносильно милости Аллаха..." Езжайте, передайте дяде Хаджи: я рад вести! – говорит порывисто он, ловко садясь на своего коня, громко подзывает к себе своих приятелей: Закиридин! Сауд! Тюмень! Чеку!..

Перед ним выстраивается ровно десять молодцеватых ребят его возраста – глаза их полны ожиданием и надеждой.

- Отныне я тысячник, - заявляет Тимур.

- У этого... караунасса Казангана... - как всегда в своем духе вклинивается в разговор Чеку.

- Повелителя Мавеннахара Казангана. А тебе советую уподобиться не сороке, а соколу!...

-Молчу! Молчу!

- Что это означает? – продолжает Тимур. – Это значит, что с сегодняшнего дня вы мои сотники! Мы все поступаем на службу к Казангану!

Новость мигом преображает сверстников: они как бы становятся более собранными, такое впечатление, что они только теперь почувствовали себя настоящими мужчинами.

24

Город Кеш.

Заутренняя молитва.

Среди молящихся – Тимур. Он стоит рядом с дядей, Хаджи Барласом тут же неподалеку, расположились молодые незнакомые люди.

Мы застаем молитву. Естественно, в конце ее люди расходятся. Тимур и Хаджи Барлас идут рядом. Говорит чаще Хаджи Барлас. Тимур, как и полагается племяннику, весь – внимание...

- Истинно: ты, т.е. я хочу сказать «мы», должны быть благодарны эмиру Казангану за столь милостивое предложение, но...

Тут Хаджи Барлас, почуяв, что к их разговору прислушивается какой-то человек, осекается, берет за плечи племянника, отводит его в сторону и через секунду – другую продолжает:

- Здесь у каждого камня есть ухо. Посторонним знать о наших семейных делах не обязательно – или я не прав?

- Вы правы, дядя.

- Так что хотел я сказать?

- Мы должны быть благодарны эмиру Казангану, но...

- Но... должны помнить, - он опасно озирается, - эмир – северянин, караунасовец, мы же – барласовцы – южане... Кеш спокон веков наш...

С ними раскланялся какой-то, судя по внешнему виду, знатный человек. Хаджи Барлас заметил, что это вызвало интерес племянника:

- Это Байан Сулдус...

- Южанин? Северянин?

- Не то и не другое, но он ближе к нам...

Неподалеку в группе молодых людей человек что-то выкрикивал, размахивая рукой:

- Это кто?

- А-а-а... Это Саллех, сын покойного Боролдоя... Попрошайка! Всё канючил, выспрашивал у эмира тумень отца, а этот ему – огрызок кости со стола... Ха-ха-ха... Но... нет более опасных врагов, чем монголы... Они... этот Туглук Тимур спит и видит себя на троне Мавераннахра!...

- Зачем вы мне обо всем этом говорите, дядя?

Хаджи Барлас несколько обескуражен:

- Зачем? Для сведения... Считай, что пошутил. Конечно, нет смысла забивать всем этим голову... Выкинь, выбрось... А теперь куда?

- Пойду познакомлюсь со своей тысячей.

- Это дело, - говорит, все еще не совсем уверенно Хаджи Барлас, - Ах, да, совсем забыл о главном! Тимур, у нас был разговор с эмиром. Знаешь, что он задумал? – Хаджи Барлас расплывается казалось бы в искренне весёлой улыбке. - Он намерен выдать за тебя свою внучку... Айджал!

- Айджал!? – вырывается невольно у Тимура.

- Ты недоволен?

- Что вы, дядя! Воля эмира – воля Аллаха. Я рад!...

- А теперь можешь идти к своей тысяче! А меня ждет человек. Байан Сулдус с пронзительной улыбкой смотрит в их сторону... Хаджи Барлас также, улыбаясь, направляется к нему...

Между тем последняя весть озадачивает Тимура – он мысленно уходит в прошлое:... Заросли речной поймы... Он держит за плечи полуголую... Жамбы. Та вырывается, выкрикивает: «Уходи! Уходи!...» - Он: «..У тебя вид шлюхи! Шлюха!..» - Она: «Уходи! Убийца! Убийца!..» Он бьет еще, еще, еще по лицу... Жамбы падает, не в силах прикрыть оголенное до пояса тело... И вдруг слышится за спиной:

- Ассалом алейкум!

Тимур оборачивается – перед ним – франтовато одетый, улыбчивый молодой человек повторяет:

- Ассалом алейкум! Я внук эмира. Меня зовут Хусейн. А тебя я знаю, ты новый тысячник деда... Тебя зовут...

- Меня зовут Тимур.

- Ты барласовец – и это мне известно. Ты мне нравишься. Я хочу, чтобы ты стал мне хорошим другом – согласен?..

- Я сделаю всё, чтобы удержать твое дружеское расположение ко мне.

- Ты чем владеешь лучше – луком или саблей? – не унимается Хусейн.

- Саблей, - честно признается Тимур.

- Ты волнуешься перед сражениями?

- Да, волнуюсь.

- Ты любитель мясного?

- Я ем в меру.

- Что значит «в меру»? Сможешь переесть кочевника? – смеется Хусейн.
- Ты ведь потомок кочевников.

- Мой отец Торгай родился в Кеше, - Тимур пытается изо всех сил упрятать свое недоумение по поводу столь необычного тестирования.

- Ну, и что? Я тоже родился в Кеше, а не прочь обурдать аппетитное ребрышко... а теперь скажи честно, что ты больше любишь – женщин или охоту?

Впервые Тимур озадачен: кто этот Хусейн – шутник или идиот? Жуир или хитрый дипломат, ловко умеющий завлечь в сети неопытного человека?

- А если я предложу тебе, - он что-то шепчет панибратски Тимуру на ухо. Хохоchet. Следом – то ли искренно, то ли подыгрывая, - смеется и Тимур.

25

Начало ноября.

На охоте.

Верхом на конях во главе с Хусейном молодые люди из элитарных кругов Мавераннараха, в основном военные. Среди них, по правую руку с Хусейном – и Тимур.

Гон, судя по шумам, приближается.

- Понял: саблей владеешь хорошо. Но говорят и лук в твоих руках поет, не хуже струн рубаба, - говорит не без некоего лукавства Хусейн Тимуру. - Может быть сыграешь?

- Попробую, - Тимур вытаскивает из колчана стрелу, прикладывает ее к

тетиве.

- Тебе приходилось участвовать в такой охоте? – интересуется Хусейн.

- В такой нет.

- Сейчас из-за тех деревьев появятся газели – смотри, не проморгай!

За беседой Хусейна с Тимуром в сторонке наблюдают трое молодых людей. Среди них – известный нам Саллех, сын Боролдоя.

- Щебечут, как влюбленные птички, - провоцирует Саллеха один из его приятелей.

- Ничего не могу сказать по поводу птички с зелеными крылышками, - отвечает резко Саллех, имея в виду Хусейна, облаченного в ярко-зеленый чапан. - А вот птичка с красным оперением... Говорят, он – откровенный убийца... Долона, сына Эреджена.

В это время из-за деревьев появляется первая небольшая группка газелей.

- Первый выстрел за тобой, Хусейн, - подсказывает молодой человек, стоящий по другую сторону от Хусейна.

Но тот отказывается, говорит искренно:

- Первый выстрел предоставляется моему другу... тысячнику Тимуру сыну Торгая.

В группировке Саллеха по-своему реагируют на предложение Хусейна.

- Сегодня... тысячник... - говорит Саллех.

- Все идет к тому, что завтра караунасец... эмир Казарган... подарит... тумень, твоего отца...

- Молчи! – едва не взрывается Саллех.

А между тем газели, как будто бы специально, заметив напротив большую группу охотников во главе с Хусейном, замедляют бег.

- Ну! – командует Хусейн.

Тимур натягивает лук – со свистом пущена и пораженная газель падает оземь.

Охотников охватывает азарт: свистят между деревьями стрелы – падает еще газель, еще, еще... Однако на этом не заканчивается охота – всадники устремляются в погоню.

- Вперед! – кричит Хусейн.

- Вперед! – раздается там и сям.

Неожиданно, просвистев мимо уха Тимура, стрела вонзается в ствол одного из деревьев. Тимур, не раздумывая, осадил коня. Подъезжает к дереву, разглядывает ствол дерева со стрелой, не без труда вытаскивает ее. (так глубоко она врезалась в дерево). Подъезжает тут же к нему Хусейн.

- Ну, что?

- Хочу понять, какой газели была предназначена эта стрела, - отвечает Тимур.

- Вот так всегда в нашем славном Мавераннахре, - смеется Хусейн. - Впрочем ты убедишься в этом сам, - продолжает он и зовет к себе охотников.

Те – тут как тут. На разгоряченных конях. Человек не менее 15-20.

- Тут мы с моим другом ломаем голову над задачей. Говори, Тимур.

Тимур показывает стрелу.

- А задача вот какая: какой газели была предназначена эта стрела?

Панорама лиц – монголоидные и европеоидные, безусые и усатые, носатые и с носами пуговкой – все улыбчивые, дружелюбные. Такое впечатление, что, конечно же, не один из них не имеет отношения к загадочной “газели”. Лишь на миг останавливается взгляд Тимура на Саллехе, сыне Боролдоя, после чего Тимур опускает стрелу в свой колчан, говорит:

- Нам не к лицу разбрасываться добром.

- Ты хочешь сказать, что мы, мавераннахрцы, нищие? – бросает Хусейн.

- Напротив, я хочу сказать, что мы, мавераннахрцы, владеем несметными богатствами. Но свое богатство мы должны оберегать своими руками.

Все смеются, делая вид, что им непонятен “эзопов” язык тысячника.

- А сейчас – в шатры! – командует Хусейн.

26

В лесу – несколько вызывающе – красивых шатров. В центре – шатер Хусейна. Хусейн вальяжен, сидит полулежа на атласных подушках, рядом с ним Тимур. На дастархане яства. Мужчины вдвоем.

- Давай-ка поговорим по душам.

- Насколько помню, мы с тобой говорили только о насущном.

- Мне нравится твоя искренность... Я давно хотел сказать что мне опротивели и Кеш, и Самарканд...

-?!

- Здесь мы все – да! да! – мы все подобны “газели”, той самой, которой была предназначена стрела. Не понимаю отца: он просто бредит... Самаркандом! Мечтает перенести столицу из Кеша в Самарканд! Уговаривает деда.

- Разве, плохо?

- Как! – едва ли не подскакивает с подушек Хусейн, - разве не ясно, что это не понравится многим...

- Кому?

- Прежде всего – буду откровенен с тобой – твоему дяде, его друзьям – сулдуцам, южанам... барласовцам – тебе это не о чем не говорит?

- Я барласовец – и я буду с тобой откровенен: Кеш – родной город, а Самарканд я люблю больше...

- Но что об этом скажут монголы... этот Туглук Тимур... Боюсь, что это ему на руку!

Тимур молчит.

- Тебе сказать нечего? Почему не спрашиваешь, что мне по душе?

- Спрашиваю – что?

- Есть места покойнее Кеша и Самарканда... Кабул, Кундуз...Балх... Попрошусь у деда - надеюсь, не откажет... Однако довольно! – Хусейн хлопает в ладоши.

Выбегают из-за ширмы девушки, убирают достархан, исчезают. А затем Хусейн говорит, переходя от одной темы к другой, словно перепрыгивая через пропасть:

- Охоту ты любишь – это я видел, а вот как обстоит с женщинами?

Хусейн дает команду, хлопая в ладоши. В шатер выплывает группа из трех – девушек-танцовщиц. Девушки танцуют.

Хусейн не скрывает своего удовлетворения.

- Ну, как?

Тимур молчит.

Девушки продолжают танец, который содержит немало эротических элементов.

- Ну, как? – снова интересуется Хусейн.

И снова Тимур молчит. Улыбается Хусейн, подмигивая лукаво Тимуру.

В голове у Тимура – недавняя панорама охотников. Искренне дружелюбные лица. И тут – взгляд Саллеха...

- Саллех!

- Ты вспомнил Саллеха – отчего? – Хусейн с недоумением взглянул на Тимура, - Оставим в покое этого... Саллеха. Поговорим о приятном...

27

Горд Кеш. Центральная, наиболее оживленная часть города. Толпа расступается, пропуская к дворцу эмира Казангана с пышной свитой. Впереди верхом на великолепном белом коне эмир, по обе стороны и позади и тоже верхом на конях важные сановники. Рядом – Абдаллах с сыном Хусейном, неподалеку от них Тимур... Где-то в конце свиты – Саллех с друзьями. Вдоль следования кавалькады толпы народа, **ВОИНЫ.**

Вот – группа горожан.

- Который из них эмир? – спрашивает один из них.

- Неужели трудно узнать?

- Ага, понятно: тот на белом коне.

- Рядом с ним – Абдаллах, сын эмира...

Кланяются.

- Когда приблизятся, крикнем: "Хвала эмиру!"

А вот группа воинов.

- Смотри! Смотри! Вон тот на вороном – кто он? – спрашивает один воин другого. – Кто в красном чапане?

- Новый тысячник. Тимур сын Торгая.

- Откуда он?

- Наш. Барласовец.

В конце кавалькады Саллех с товарищами.

- Высоко однако поднял этого выскочку – барласовца эмир, - подначивает Саллеха сосед.

- Впереди темников поставил. А ведь такой же тысячник, как и мы, - говорит другой.

- Не забывайте он теперь зять эмира, - говорит сквозь зубы Саллех.

- Еще не зять, говорят, еще Айджал не въехала в его дом...

А вот сам эмир, не поворачивая головы, говорит Абдаллаху:

- Мой сын, что видят твои глаза, что слышат уши?

Абдаллах, не в силах скрыть радость и не задумываясь, отвечает:

- Народ любит своего эмира, отец.

Этот короткий диалог слышит Хусейн, незаметно принимает позицию рядом с Тимуром:

- Ты мог бы выразить одним словом все это? – он окидывает взглядом толпу.

Тимур задумывается.

- Триумф... власти. Это триумф великого Казангана. Твоего деда, - отвечает он.

- Ты осторожен в своих суждениях, - смеется Хусейн.

- Что по-твоему? – спрашивает Тимур.

- А мне это напоминает... охоту на газелей... Меня не покидает ощущение, что мы все охотники и... газели.

- Дорогу великому эмиру! – во всю стараются всадники, размахивая плетками и таким образом выравнивая путь кавалькаде к величественному дворцу.

28

Женская половина дома Тимура, вернее “женская половина” – понятие достаточно условное. Более верно назвать это помещение “женской

половиной в будущем”. В этом помещении идет полным ходом подготовка Айджал к первой встрече ее с Тимуром теперь уже супругом. Две молоденькие женщины колдуют над ее внешностью, подводят ее к зеркалу. Айджал смущенно рассматривает себя.

- Ах, вы очаровательны, госпожа! – искренне восхищается первая.

- Вы так красивы! Так красивы! – щебечет другая.

- Какие глаза! Уста какие! Они подобны прелести лучших самаркандских роз! – не унимается первая.

Женщины заговорщицки переглядываются:

- Госпожа, мы обязаны покинуть вас. Вы останетесь одни.

Женщины подводят Айджал к креслу рядом с супружеским ложем. Перед ней – замечательной красоты столик, на котором поставлены все положенные для этой встречи яства, а чуточку в сторонке – серебряный кумган, тазик, полотенце... После этого женщины удаляются. Айджал действительно остается одна. Но не надолго. Ее чуткий слух улавливает за дверью... шаги. Двери открываются – в проеме появляется Тимур в праздничном одеянии. Подходит к ней – Айджал встает, кланяется, но затем растерянно молодые взирают друг на друга. Первым приходит в себя Тимур, косит, вспомнив о свадебном этикете, на кумган с тазиком. Айджал улавливает это, берет (но неловко) кумган, потом, после того, как Тимур ритуально ополоснул руки, подает полотенце. Закончив своеобразное омовение, Тимур садится напротив и неожиданно смеется:

- Вам так смешно?

- Великодушно простите, но я вас... представлял другой.

- Какой именно?

Тимур подходит к Айджал, снимает с головы ее высокую

конусообразную шляпу, бросает ее о пол, помогает сойти ей с возвышения и тогда обнаруживается такая картина: небольшого роста с россыпью волос Айджал и довольно атлетического сложения Тимур, который после небольшой паузы, принимается за осуществление супружеского стриптиза. Одно за другим отбрасываются пышные предметы женского туалета и тогда перед Тимуром предстает не только небольшого роста, но и вообще хрупкая девочка.

- У вас маленькие, как у горлинки, грудки, - говорит полуобнаженный Тимур, - Как вы полагаете, кто я?

Айджал закрыла глаза, прощebetала, вытирая слезы:

- Вы мой супруг.

- Пока нет, но сейчас я стану им, - говорит Тимур, берет в охапку Айджал, бросает ее на красиво обставленное ложе, прижавшись к ней, добавляет:

- Вам предстоит родить мне сына...

29

Супружеское ложе.

Айджал лежит с открытыми глазами. Тимур бредит, мечется во сне: «Где сабля?... Где сотники?», Айджал тормозит – и это не та девочка, которая нынешней ночью впервые познала радости супружеской жизни. Тимур просыпается...

- Вы бредили, звали во сне своих сотников...

Тимур не ответил, закрыл глаза, пытаясь заснуть.

- Я хочу спросить вас о другом...

- ?

- У меня действительно маленькие... груди – женщина с маленькими грудками не в состоянии родить здорового ребенка!?

Только теперь доходит до сознания Тимура суть состояния молодой женщины. Он просыпается:

- Что с вами!? Что еще!?

- Я вам не нравлюсь? Может быть, - продолжает она не без иронии, - вам уже сейчас привести в дом... вторую жену... с большими грудями...

Тимур выходит из себя:

- Послушайте, вы, внучка эмира, запомните: не вы, а я супруг, и мне решать, когда мне приводить... вторую жену!

Айджал вздрагивает – настолько в неожиданном свете обнаружил себя муж. Плачет.

Мгновенно преображается и Тимур, гладит по волосам жену, говорит:

- Успокойтесь, мы с вами супруги, а это означает, что у нас есть право на шутку.

30

Но, нет, Тимур не из тех, кто шутит!

Обширный, замкнутый со всех сторон казармоподобный двор. Идет тренировка по фехтованию саблей, на другой половине двора отрабатывают умение стрелять из лука. Это – и есть воины тысячи Тимура. Отсюда – характерные шумы: выкрики, смех, лязг металла и т.п. Т.е. примерно то, что можно услышать и сейчас в современных

спортивных залах. На одном из возвышений Тимур – он наблюдает за своими подчиненными. Особенно заметен сотник... Чеку.

- Как держишь саблю!? В твоих руках сабля как палочка в руках козопаса! Это не воины, а козопасы! Берите пример с... меня! – Чеку размахивает саблей, - Ну-ка, ты, - обращается к одному из своих воинов – тот, помявшись, делает выпад, но Чеку ловко отражает удар, а затем проделывает некий трюк, после чего воин вдруг оказывается... спиной к нему, Чеку. Чеку смеется:

- Мне остается дать тебе под зад!...

И на самом деле «дает под зад тому». Хохот.

На другой половине, как говорилось выше, стреляют в мишени.

А вот еще одно, подстать современному тестированию, учение. Сотник спрашивает:

- Что должен иметь воин в походе?

Отовсюду сыпятся ответы:

- Пилки для точки стрел.

- Шило, иголку...

- Бурдюк и т.д.

Тимур подходит к группе, говорит коротко Чеку:

- Ты мне нужен.

Тот немедленно следует за тысячником. То же происходит с сотником Сардаром. Идут втроем по открытой с одной стороны галерее...

31

Втроем – Тимур, Чеку и Сардар – стоят в проеме двух колонноподобных опор галереи на фоне тренирующихся вдали и внизу воинов из тимуровской тысячи.

- Догадываетесь, зачем вы здесь со мной? – начинает Тимур.

- Мы не бабы, строящие догадки – говори, что тебе от нас требуется, - горячится Чеку.

- Да, мы воины, мы с щенячьего возраста вместе, мы хорошо знаем друг друга.

- Были щенками – стали волками, - подхватывает Сардар. - Говори, что тебе надо.

Тимур достает из колчана стрелу, протягивает Сардару.

- Знакомая стрела, - произносит Сардар, - ты мне говорил о ней.

- Из охоты на газелей, - говорит Чеку.

- Мне нужна твоя помощь, Сардар.

- Найди “охотника” на “газель”... я познакомлю тебя с кузнецом Рустамом... покажем ему наконечник стрелы. Остальное...

- Остальное не стоит разъяснять. У меня волчий нюх...

- Чеку, - обращается он к приятелю, - мы действительно из одной стаи, верно?

- Да, так.

- Тем не менее... мы люди.

- И это верно.

Тимур берет за локоть Чеку, отводит в сторону.

- Тебе есть что сказать мне, дорогой друг? Ты все разузнал?

- Для этого пришлось мне, лучшему воину твоей тысячи обратиться в мышь... - отвечает Чеку Барлас.

- Говори поживей!

- Бедная девочка! Бедная птичка, попавшая в силок!

- ?

- Я проник во все дыры в кишлаке, я выяснил, Тимур: Саллех... вонючий шакал Саллех... тот Саллех, которого ждет – не дождется моя... наша сабля... О, при первом же удобном случае проткну его пузо стрелой... отделию его шакалью голову... как голову барана!...

- К делу! Говори!

- К делу – значит к делу! А дело, доблестный Тимур, не в радость:... в дом Абдрахмана вот-вот нагрянут сваты Саллеха!

- Что Абдрахман?

- Абдрахману все равно – было бы больше навару. Да и родственные связи Саллеха и этого... Долона – О! Как ты ловко, отправил его душу на небеса!

- Молчи! Речь не о Долоне!

- Молчу! Молчу! Ты, Тимур, единственный в мире человек, перед

которым я благоговею, - говорит Чеку Барлас, целуя искренно руку Тимура.

- Говори! Разве мы не в состоянии помешать Саллеху? Мы в самом деле мыши!?...- молвит Тимур, вырвав руку и не на шутку разгневавшись.

- Я обдумал, Тимур. Мы освободим птичку и ... упрячем в свою... клетку...

- Похитим!?

- Но зачем так грубо – мы освободим и упрячем. Скажи куда? Назови место, Тимур!

Тимур задумывается, а затем произносит:

- Накануне мне приснился сон: будто я сижу... у сестры Туркан в Самарканде... слушаю ее рассказ...

- Поистине волею Аллаха тебе приснился вещий сон! – с ходу подхватывает Чеку Барлас, - Вот мы птичку и упрячем в Самарканде! Я знаю Туркан, вашу сестру; я знаком с вашим зятем Мухаммадом! О, Тимур!..

- Что еще?

- Завтра караван из Турфана начинает торги в Кеше.

- Еще?

- Она будет там.

- Она прибудет в Кеш?

- Да, Тимур, да. У меня чешутся руки. Завтра она будет наша.

Но Тимур, полагая, что на этом деликатную беседу можно закончить, резко поворачивается, взглядом подзывает к себе Сардара:

- Я надеюсь, Сардар, на знания кузнеца Гуляма, я верю, Сардар, в твое усердие!.. И в твое, Чеку.

- Но волки ходят стаями, я один.

- А меч!? А твой лук!?

- Я один стою стаи волков - наконец-то ты оценил меня, – восклицает восторженно и откровенно хвастливо Чеку.

- А ты меня, – говорит Тимур.

Тимур подводит друзей – сотников к краю проема в галерее: там продолжается тренировочная суета.

- Вот наша стая! – молвит Сардар. – Готова перегрызть любому горло!

- Молю Аллаха, - говорит задумчиво Тимур, - чтобы среди них не оказалось ни одной “газели”

32

Кеш. Большие толпы людей у прилавков, на которых разместил свои товары караван из глубин Восточного Туркестана. Масса молодых людей, в центре выделяется человек с роскошными усами и окладистой бородой, который говорит полупшепотом стоящим рядом с ним людям, показывая взглядом на новых посетителей, словно комментируя:

- Вот... явились... этот в белом тюрбане – брат ее... эти – родственники Саллеха... Ах! Шакал не успел жениться, а уже явился с охраной!... А вот – внимание! Внимание! – Кажется, одна из этих птичек... она... Но почему обе в одинаковых платьях!? Почему!?!...

Мужчина с роскошными усами и окладистой бородой в недоумении. Но вот одна из двух девушек на миг – другой приподнимает чадру, стараясь разглядеть товар – образец великолепного шелка, и этого мгновения оказалось вполне достаточно, чтобы мужчина с роскошными усами и окладистой бородой в волнении едва не воскликнул:

- Она!

Далее события разворачиваются так. Молодые люди вклиниваются в группу посетителей, незаметно оттирая от девушек мужчин – их охрану. В какой-то момент один из молодых людей “гневно” набрасывается на “охранника”:

- Господин вы грубо толкнули меня.

На что следует не менее гневный, на этот раз искренний, ответ – начинается перепалка, а затем и всеобщая потасовка. Другая часть молодых людей еще дальше оттесняет девушек, а затем, подхватив их на руки, исчезают с ними в толпе...

33

Небольшое помещение. У стены, прямо на полу, рыдая, сидят знакомые нам девушки в чадрах. Рядом – несколько молодых (и тоже знакомых нам по предыдущему эпизоду) людей. Вот к плачущим девушкам подходит, садится перед ними на корточки человек с роскошными усами, говорит:

- Я не убийца, не разбойник – я доблестный воин из гвардии эмира – не бойтесь, откройте ваши... благоухающие лица! Я должен убедиться, что одна из вас очаровательная... Жамбы..., а вы... - кто из вас Жамбы?

Одна из девушек решается приоткрыть чадру – перед усатым и бородатым мужчиной возникает лицо знакомой девушки.

- Вы... вы Фатима из... нашего кишлака барласов!? – не на шутку взволнован мужчина с роскошными усами и окладистой бородой.

- Да, последние годы мои прошли среди барласцев, господин.

- Я вас впервые вижу, - продолжает всхлипывать девушка по имени Фатима.

- Я... Чеку! – продолжает мужчина. – Смотрите!

Мужчина сдирает с себя усы и бороду и действительно преобразается в Чеку Барласа.

- Чеку! – удивлена на этот раз девушка Фатима. - Но зачем...

- Зачем все это? Скоро птички узнают откуда корм.

Потерпите... Не бойтесь. Вас будут содержать в золотой клетке. Вам будут подавать сладкий щербет... лучших сортов халву... О фруктах, шелках молчу...у вас будет настоящая райская жизнь!... А сейчас ответьте: кем приходится... эта... подруга?

- Она моя госпожа.

Сочла необходимым открыться на мгновение, словно желая продемонстрировать себя, и вторая девушка.

- Не надо нам райской жизни – я требую, Чеку, отправить нас домой!

Чеку Барлас неожиданно преобразается в голосе его звучит металл:

-Это невозможно, уважаемая госпожа Жамбы... Убедительно прошу не отказываться от райской жизни!

В ответ раздается дружный рев девушек.

34

За дастарханом двое – Хусейн и Тимур.

- Ну, вот и наступает пора прощания, - произносит Хусейн, за этот год ты стал мне настоящим другом, разве не так?

- Истинно. Но почему «прощание»? Я, надеюсь, что судьба сведет нас вновь, - говорит Тимур.

- Судьба подобна капризной женщине: где и с кем она сведет ведомо одному аллаху.

- Я верю, что мы останемся друзьями, а где свидимся – здесь ли, в Кеше, Самарканде, или твоих землях... в Кабуле, Балхе ли – это не существенно и значимо. Подойдем к окну, - они встают, подходят к окну – там, за окном отчетливо виден караван Хусейна, готовый тронуться в путь. - Существенно, что я уезжаю, но существенно и то, что ты остаешься при моем деде, отце, как мой друг... Свидимся здесь – одно, у меня, в Кабуле или Кундузе - другое...

- Я не готов, Хусейн, к философствованию, - признается Тимур.

- Хорошо, скажу проще: Ты, Тимур, не только друг, но и воин – будь ими до скончания жизни...

Тимур благодарно кивает головой.

- Ты можешь упрекнуть меня в чем-нибудь? – продолжает Хусейн.

- Нет, - коротко отвечает Тимур.

- Тимур и Хусейн обмениваются взглядами, в которых можно увидеть многое из того, что было сказано ими выше.

35

От городских ворот удаляется длинная кавалькада: впереди – большой отряд воинов – всадников, за ним – другая группа всадников с Хусейном во главе, далее – караван с хозяйственным и др. принадлежностями, в конце – снова воины Хусейна... Отъехав на приличное расстояние, Хусейн, отныне правитель Афганистана, невольно оборачивается, замечает на городской стене одинокого человека... Тимура, который еще долго стоит на возвышении – до тех пор, пока кавалькада, этакой людской рекой, не завернула за холм...

36

Базар в Кеше в разгаре: на прилавках и просто на земле – горы всякого рода фруктов, овощей и т.п., выкрики торговцев, расхваливающих свой товар. Вдоль прилавков – пестрые толпы покупателей, зевак...

Обращает внимание мальчик лет 10-12, шныряющий у фруктовых рядов. Вот он продирается к груде аппетитных груш.

- Груши, Груши! Сочные! – выкрикивает торговец.

Нашлись и покупатели, но тут вмешивается мальчишка:

- Подарите, дяденька, бедному сироте одну... только одну сочную грушу!

- Откуда взялся, оборванец – вон отсюда! Живее!

Мальчик не теряет находчивости – парирует, обращаясь к покупателям:

Напрасно груши вас прельстили:

Снаружи хороши, изнутри –

Как зубы, с гнилью!

- Ах, оборвыш! Щенок! Чьи зубы ты имеешь в виду! – выходит из себя торговец.

- Твои зубы! – бросает мальчик убегая.

У торговца действительно гнилые зубы и это веселит покупателей и, напротив, еще пуще злит торговца:

- Кто этот оборванец!? Кто знает его?

Из небольшой толпы покупателей протискивается такого же возраста мальчишка:

- Я знаю его.

- Говори.

- Скажу, но сначала дайте мне одну... грушу, - канючит мальчишка.

Торговец, поколебавшись, достает из груды самый невзрачный плод:

- На! Говори живее!

- Скажу, но только дайте не эту, а ту, - продолжает торговаться мальчишка.

Торговец, и на этот раз поколебавшись, все-таки исполняет просьбу мальчишки, после чего тот говорит:

- Это Хафиз.

- Хафиз – имя или прозвище?

- Больше ничего я не знаю! – вдруг заявляет мальчишка и убегает, оставив продавца груш, снова взорвавшегося проклятиями.

А между тем мальчишка по имени Хафиз останавливается у закутка, где торгуют пирожками и колбасками.

- Колбаски! Колбаски! Из самой лучшей конины! Налетай, народ! – призывает и этот продавец.

И вокруг него собираются будущие и настоящие едоки, и здесь происходит почти тоже, что только что мы видели у фруктового ряда. И здесь Хафиз просит:

- Уважаемый продавец, дайте кусочек колбаски, лучше которой нет ничего вкуснее на этом свете!

Сценку эту наблюдает двое воинов, среди которых мы узнаем и ... Тимура в ... обычном, явно с целью маскировки, воинском одеянии... и Саида...

- Смотри-ка! Кусок колбаски! А может быть тебе дать целую колбасу!? – передразнивает Хафиза продавец, а затем рычит:

- Вон отсюда, паршивец!

Но и здесь мальчик Хафиз не теряется, сходу конструирует едкое двустушие:

- Люди, берегитесь, в колбасе упрятана

Лукавым поваром вонючая ослятина!

Продавец – в бешенстве; кто-то из едоков со словами «О, ослятина!» выбрасывает колбасу оземь. Мальчик пытается бежать, на не успевает – его хватает цепко за ворот одежды продавец, норовит дать оплеуху, однако его вовремя удерживает за руку Тимур. Отстранив продавца, Тимур, удерживая мальчика, обращается к нему:

- По-твоему, мы сейчас ели вонючую ослятину!? Отвечай!

- Нет! Нет! Это ум обманул мой пустой, несчастный желудок!
Доблестный воин, разве я стал бы есть ослятину?

- А это мы сейчас узнаем. – говорит Тимур, затем обращается к продавцу:

- Колбасу ему за мой счет! – а затем мальчику. – Ешь!

Мальчик с большим аппетитом ест. А это рождает, как и в прошлый раз, веселое оживление.

- Откуда ты знаешь о моих доблестях?

- Здесь знания не нужны.

- ?

- Здесь нужны глаза. А мои глаза видят: вы – доблестный воин!

- Ты поэт?

- Пока нет, но буду им!

Протискивается сквозь массу людей, как в прошлый раз, второй мальчишка:

- Я скажу, кто он – дайте мне кусочек колбасы.

Но не таков Тимур.

- Тебя не спрашивают! Прочь отсюда! – и после небольшой паузы продолжает диалог с первым мальчиком: - Ты будешь им?

- Да... Но только после того, как откушаю когда-нибудь... вонючей

ослятины!...

Окружающие в недоумении.

Мальчик собирается уходить.

Продавец пытается снова задержать мальчика, но Тимур неумолим:

- Пусть идет. Пирожки ему от меня. Каждому – свое: кому конина, а кому – ослятина.

37

Примерно такого же рода базарная суэта едва ли не на каждой улице Кеша. По одной из улочек с набитым ртом, то и дело оглядываясь вокруг себя, и останавливаясь, медленно шагают знакомые нам мальчишки...

- Почему тебя зовут Хафизом? Ты действительно знаешь коран наизусть? – спрашивает второй мальчик.

- Пока не весь коран. Только три первые суры – отвечает Хафиз.

Останавливаются на перекрестке двух узеньких улочек неподалеку от человека, который расположившись на коврике прямо на земле, выкрикивает:

- Предскажу будущее с помощью цветных камешков! Предскажу.

Перед человеком поверх кожаного коврика рассыпаны камешки-кругляшки, из которых он машинально сооружает на коврике разноцветные кучи. Но вот перед ним останавливается незнакомец – интересуется:

- Сможете предсказать судьбу по расположению звезд?

- Чью судьбу?

- Моего брата.

После этого ответа, гадалщик показывает на человека напротив:

- Идите к тому человеку, он в состоянии предсказать по звездам.

Незнакомец идет к человеку напротив и после весьма короткой беседы скрывается тут же за воротами.

Мальчишки насторожились: к гадалщику подходит еще один незнакомец и между ними происходит диалог, аналогичный предыдущему и, что изумляет одного из мальчиков, и этот по знаку человека напротив исчезает в проеме тех же ворот...

Гадалщик только теперь замечает мальчиков, спрашивает:

- А вам что надо, дети? Погадать о будущем?

- Нет, у меня к вам вопрос, - осмеливается мальчик по имени Хафиз.

- Спрашивай.

- Как определяют расположение звезд днем? Где они, звезды?

- Днем звезды можно установить с помощью книг, - отвечает глубокомысленно гадалщик.

- Каких книг?

- Книги о звездах хранятся в библиотеке эмира – ясно?

Ученые книги! – уже нехотя не без раздражения бросает гадалщик. – А теперь ступайте! Ступайте!

Мальчик Хафиз в знак согласия кивает головой и со своим спутником идет дальше под знакомые выкрики гадалщика.

38

Неподалеку от ворот города, доедая пирожки, стоят знакомые нам мальчики. Но вот доеден очередной пирожок.

- А теперь прощай! – вдруг произносит Хафиз.

- Ты куда теперь? – несколько обескуражен “напарник”.

- Разве не говорил я тебе, куда? В Самарканд - вот куда!

- В Самарканд? Прямо сейчас!? – на этот раз действительно озадачен “напарник”.

- Слушай! Тебя как зовут? – как бы спохватившись, прямо таки повзрослому спрашивает Хафиз. – Мы с тобой незнакомы как следует.

- Х-хамид, - шмыгая носом, говорит “напарник”

- Не нравится мне ваш город, Хамид. Меня всегда тянуло... в Самарканд, там замечательное медресе, - говорит мечтательно Хафиз.

- Ты хочешь поступить в медресе?

- А как ты думаешь!

- Тебя примут?

- У меня письмо.

- Кому письмо?

- “Кому-кому” – тебе зачем это знать... Все! Я пошел. – Хафиз направляется к воротам. Исчезает за ними в толпе.

Немного постояв, следом бросается и Хамид.

39

Шагает по колдобистой дороге мальчик Хафиз. Но тут его нагоняет запыхавшийся Хамид. Хафиз останавливается; он не скрывает удивления.

- Я с тобой! – заявляет Хамид. Я тоже хочу в Самарканд!

- Ты? В Самарканд!? Что тебя гонит в Самарканд?

Хамид растерян.

- Ну, ладно, ладно, - приходит на помощь мальчик Хафиз. – Хочешь скажу еще что-то...

- ?

- Еще я... хочу попроситься в... ученики к Джафари.

- Кто он, этот Д-жа-фа-ри?

- Как, ты не знаешь Джафари? – удивляется мальчик Хафиз и окинув не без сожаления с ног до головы Хамида, добавляет. – Ты прав: откуда тебе знать Джафари, - и мечтательно произносит: - Джафари – лучший поэт Самарканда – вот кто он такой! Какие у него газели?

- Поэт? Газели?

- Я вижу, ты впервые слышишь эти слова?

- Впервые, - соглашается Хамид.

- Эх, ты! – вздыхает Хафиз и по-отечески добавляет – ладно, пошли. На месте, в Самарканде, разберемся... Идут. Заворачивают за уступ глиняного оврага. Но за кадром еще слышится, затухая, голос Хафиза: “Слушай, что говорит Джафари” – и далее читает в слух отрывок газели...

40

В небольшом помещении, образовав кружок, на деревянной тахте сидят мужчины. Их сравнительно немного, среди них – и знакомые нам люди, которых мы перед этим видели у гадалщика, а раньше на охоте – товарищи Саллеха. Но главное здесь же и сам Саллех. Судя по лицам, здесь идет непростая дискуссия.

- Я согласен: да, южане топчут нас, северян! – говорит один из заговорщиков.

- А что Эмир Казанган делает с Мавераннахром: Афганистан отдал внуку, а этого... молокососа... - молвит третий

- Барласца Тимура... – подсказывают тому.

- Да, племянника Хаджи Барласа... сделал тысячником, отдал в жены внучку, а завтра – не приведи Аллах! – И темником... Помяните, мое слово.

- А Саллеху... наследнику почтенного... темника Боролдоя, отказывает во всем это противозаконно! – восклицает другой, - Саллех, разве я не прав? Скажи! Если не прав, пусть отсекут мне язык.

Все смолкают в ожидании выступления Саллеха и тот, не заставляет себя ждать – медленно, но, четко подчеркивая едва ли не каждое слово, произносит:

- Никто из нас не станет отрицать: эмир Казанган на этом не остановится – остановить его можем только мы...

- И только смерть! – поддерживает Саллеха его товарищ, - кто думает иначе, пусть выскажется сейчас. Здесь.

И снова воцаряется напряженное молчание.

С места поднимается в конце помещения человек, которого мы в предыдущем эпизоде видели у ворот напротив гадалщика – хозяин жилища произносит:

- А сейчас высокочтимые гости, прошу сосредоточить внимание на нашей скромной пище.

В центр дастархана ставятся чаши с традиционным угощением – пловом.

41

Тимур и его друг Сардар продолжают проход по базару, идут вдоль мясного ряда, где выставлены туши животных, их внутренности... останавливаются перед необычной пирамидой из десятков опаленных бараньих голов. Продавец – мясник явно доволен.

- Ну, как нравится?

Тимур смотрит на ослабившегося в улыбке продавца, молча идет дальше, но какая-то сила заставляет его обернуться и взглянуть на необычную пирамиду из опаленных бараньих голов, на самодовольное лицо мясника... - спрашивает у него:

- А тебе?

- Красиво, - откровенно любитесь тот, продолжая улыбаться. – сам

придумал!...

- Мы почти у цели, Сардар, - говорит Тимур и наконец-то решительно идет вперед.

42

Мастерская кузнеца Гуляма. За работой кузнеца молча наблюдают, устроившись на лавке, Тимур и Сардар. Гулям кладет на наковальню раскаленное железо. Постучав по нему молотком, опускает его в корыто с холодной водой, отбрасывает заготовку и молоток и, вытерев пот, садится напротив визитеров.

- С чем пожаловал на этот раз сын Торгая – справиться о моем здоровье? А этот – твой приятель? Почему в таком одеянии? Тебя разжаловали? – начинает Гулям. – Ближе к делу!

- Это, - кладет Тимур руку на плечо Сардара, - наш человек.

- Я готов выслушать добрых людей.

- У меня к тебе дело, - берет из рук Сардара Тимур стрелу, протягивает ее Гуляму.

- Не понимаю.

- А ты подумай, дядя Гулям.

- А- а – а... Вот как!... Такие наконечники – не моя работа и...

- Что “и”?

- Пожалуй – что в Кеше и в окрестностях Кеша...

- Что “пожалуй - что”? – не терпится Тимуру.

- Я хочу сказать: у нас никто такие наконечники не изготавливает... Это так же ясно, как то, что сейчас перед вами сидит и говорит приятель твоего отца Торгая кузнец Гулям... Вот – смотрите, - Гулям подводит Тимура и Сардара к стене, на которой вывешена коллекция стрел, - это – моя работа... Это Абдуллы... Это – Латифа...

- Ни одной похожей?

Гулям отрицательно качает головой. Гости собираются уходить, но Гулям, почесав грудь, знаком останавливает их:

- Попробуйте заглянуть в карасуйские кузницы... Если, конечно, сочтете мой совет полезным.

Гости уходят, Гулям провожает их долгим взглядом... Затем, покачивая головой, продолжает работу...

43

Разумеется, Тимур не мог игнорировать совет кузнеца Гуляма. Сардар побывал в маленьких мастерских далеко за пределами Кеша, беседуя с тамошними мастерами... С одним – этот что-то говорит Сардару, не отрываясь от работы...; со вторым – а этот качает отрицательно головой, перед этим внимательно осмотрев стрелу...; со следующим – этот, прощаясь с Сардаром, тоже отрицательно качает головой...

44

Тимуру снится странный, в какой-то степени, выдержанный в сюрреалистическом духе сон. Сначала привиделся... мясник, который... почему-то размахивая саблей говорил: “Власть? Вот она! Власть!

Власть!...” Тимур поворачивал голову – и перед ним откуда-то возникла знакомая “пирамида” из опаленных бараньих голов... и снова – мясник, который на этот раз держал в руках не саблю, а голову... эмира!... А вокруг стояли... “охотники на газелей”... Тимур просыпается, видит: супружеское ложе... рядом сладко спящую Айджал... Вытирает со лба пот: слава Аллаху, что это был всего – на всего сон... Оставляет ложе и начинает лихорадочно одеваться. Просыпается встревоженная Айджал:

- Что случилось!? Куда в такую рань!?

- К твоему отцу! – бросает уже с порога Тимур.

45

Дворец эмира в Кеше – архитектурная предтеча в будущем замечательного тимуровского Ак-Сарая («Купол науки и морали»), который и в этом виде впечатляет. Вот Тимур идет по двору, перед ним расступается стража, он ступает вдоль галереи перед ним открывают двери в сад. Под развесистым деревом на деревянной тахте, в окружении розария и слушая пение перепелки за чашечкой чая сидит Абдаллах.

- О, сын мой, добро пожаловать на утренний чай, - приветствует Абдаллах, указывая место рядом с собой.

Тимур усаживается.

- Вы здоровы?

- О, да.

- Здорова ли Айджал?

- Конечно.

- Но на лице у вас написана тревога.

- Отец, - начинает Тимур, но Абдаллах знаком руки просит воздержаться, с умилением прислушиваясь к пению перепелки. Заточенной, как и другие птахи, в ажурные клетки напротив.

- Слышите, она приветствует утро. Вот отчего я люблю это время. Ах, как замечательно! Т-с-с!...

Абдаллах действительно полностью во власти пения перепелки.

- Сейчас ей ответит другая – слушайте...

Через какое-то мгновение откуда-то из глубины сада за розарием доносится пение другой перепелки.

- Слышите? Ах, как прекрасно! Они говорят между собой! На своем языке! Одна здесь, другая там!

Тимур согласно, но на деле маскируя раздражение, кивает головой.

- А розы мои! Знаете откуда они завезены?

- Из Самарканда? – не очень умело подыгрывает Тимур.

- Нет! Нет! Розы из Хоросана – да! Да! Из Хоросана! Предлагаю подойти к ним и вы ощутите их аромат... любви.

Абдаллах подводит к одной из пышных клумб с розами, восторженно, почти шепотом произносит:

- Ощущаете?

- Да.

- Что?

- Запах – вы правы – любви...

- А эти шипы! Не кажется вам, что они. Как доблестные воины, оберегают изящные головки любимых женщин. А теперь, сын мой, я охотно выслушаю: что заставило придти в такой ранний час? Только, пожалуйста говорите... мягче... Не спугните музыку утра...

- Я слышал, что наш высокочтимый отец отцов – да, будет милостив к нему Аллах! – собирается на охоту.

- Да, конечно. В следующем месяце, а что?... Хотя догадываюсь: Хусеин рассказывал об этой... злополучной стреле – разве не так?

- Поражаюсь вашему умению читать чужие мысли: именно об этом я хотел напомнить. И дать совет...

- Совет? Кому? Мне?

- Пусть отложит эмир охоту.

- Но это невозможно.

- Почему?

- Я знаю отца, - нюхая розу, - говорит Абдаллах, - он никогда не отступится от своего решения. И к тому же... эта стрела – бог знает что. Отец знает об этом. Ему стало смешно. Он же терпеть не может... малодушия... и к тому же, как сказано в книгах, в одну реку невозможно войти дважды.

- Это сказал, кажется, греческий мыслитель, - говорит Тимур.

- Похвально, - в это время внимание Абдаллаха захватывает пение перепелки и, немного послушав пение птицы и возвращаясь на свое место, он добавляет: - Хорошо, я попрошу отца – он тебя примет, но ты сам скажешь о своих... тревогах... а сейчас послушаем... посидим рядом...

- О, прекрасно! – едва ли не полусшепотом продолжает Абдаллах, отец Хусейна и Айджал.

46

И снова дворец эмира Казангана. Пышный интерьер помещений в восточном стиле с охраной у дверей. Тимур подходит к дверям.

- Тысячник Тимур сын Торгая, - представляет он себя стражникам.

Тотчас двери перед ним открываются. Тимур следует через проем в следующее помещение. Однако впереди его проходит глава стражников – подает знак следующей двойке стражников, застывших у следующей двери – те открывают двери. То же происходит во время прохода его в третье помещение, четвертое и т.д. Вот – тронный (назовем так) зал эмира Казангана.

- Тысячник Тимур сын Торгая, - докладывают эмиру.

Эмир Казанган – его застаем мы у окна в стороне от трона – в приветствии поворачивает голову.

- Верно, верно: ведь ты тысячник. Ну, конечно, тысячник! – будто запямятовав, а теперь “нечаянно вспомнив” произносит Казанган. В таком возрасте и уже тысячник! Наслышан о твоих подвигах! Ну, ладно – о подвигах поговорим в следующий раз...

Тимур пытается деликатно остановить монолог эмира, но тот, заметив, что визитер собирается говорить, “неумолимо” продолжает:

- Знаю! Знаю! Ни слова - о стреле! Неужели у меня нет ничего другого, над чем следует поломать голову!? Отложить охоту!? Ты представляешь какой переполох это вызовет у людей!? Что подумают люди, если я отменю охоту! Если догадаются о причинах отмены!? Что их эмир робок? Трус? Боится выйти из своих покоев? У владельцев злых

языков слепые глаза и тонкие шеи. Это хорошо, что ты, Тимур сын Торгая, понял меня с полуслова. А сейчас о другом.

- Я весь – внимание, отец, властелин необъятного Мавераннахра.

- Ты верно сказал – “необъятного Мавераннахра”. Что по твоему значит Мавераннахр?

Тимур несколько озадачен.

- Что!?

- Мавераннахр – великая держава.

- Великая, но, ты прав, и необъятная – на юге, в ... Кабуле... Кундузе... Хусейну удалось навести кое-какой порядок. А на севере... тут пошаливают люди твоего дядюшки – не пойму, что не хватает... Хаджи Барласу!?! Все у него есть, все ему дал!... Или... тот же Самарканд – кажется, вот он под рукой, а не обнимешь. – Печально заключает эмир Казанган, - а на востоке все это на руку монголам Туглук Тимур радуется нашим слабостям.

- Я сын Торгая, а не Хаджи Барласа. У тысячи моих воинов – тысяча сабель и тысяча щитов. Они готовы встать грудью за вас, отец! За Мавераннахр!

- Ты просил принять и я тебя принял, но не думай, что это делаю из желания выслушать советы любого. Твои тем более. Забудь о советах, которые ты мне собирался дать, а бери с собой надежных тебе людей и отправляйся в... Самарканд...

- В Самарканд? Зачем!?! – невольно вырвалось у Тимура.

- Ты удивлен? Спокойнее... Не в ссылку – нет, Тимур сын Торгая, я тебя не ссылаю – Я тебя отправляю с поручением...

- С поручением? – старается сдержать изумление Тимур.

- Да, с поручением, - говорит эмир, - и с поручением важным для меня. Для нас. Для Мавераннахра.

- Я готов выполнить любую вашу волю.

- Верю, - продолжает эмир, - взгляни вон туда! – Он показывает столик, на котором высятся песочные часы. – Дела в Самарканде, подобны песку, - подходит к часам, - я хочу, чтобы песок этот сыпался, - переворачивает часы, - в ту сторону, которую пожелаю я, а не те, кто жирует в Самарканде.

- Что я должен сделать?

- Представь: завтра на Мавераннахр пойдут монголы – как мы их встретим? Сколько воинов выставит Самарканд? И как он думает их выставить? Меня интересует о Самарканде все.

- Но там Джамаль со своими людьми, - как бы вскользь, замечает Тимур.

- Этот кривой безглазый Джамаль! – говорит раздраженно Эмир. – Пусть крепко запомнит: твоими устами буду говорить с ним я! Твои действия – мои действия! – берет в руки свернутую в трубку бумагу, отдает ее Тимуру, - здесь все сказано... Кроме одного: Я имею ввиду вот что: у Джамаль очень длинный язык и очень, как точно сказано тобой, тонкая... шея. Самарканд должен выставить тысячу! Самарканд обязан содержать эту тысячу! – добавляет, хитро прищурился глаза.

47

Тимур возвращается через те же помещения, в одном из которых мы видим группу людей, видимо, очередных на аудиенцию к эмиру. Среди них – Абдаллах, который, увидев Тимура, окликает его:

- Тимур!

Абдаллах отводит зятя в сторонку, интересуется:

- Отец не принял твой совет – я был прав?

- У вас божий дар предвидения, отец.

- Ах, о каком даре речь! – игриво отмахивается Абдаллах, - Что впереди нас ждет вот – вопрос.

- Меня – Самарканд. Для вас у нас – никаких тайн. Великий эмир – и да дарует Аллах ему долгую жизнь! – отправляет меня с поручением в Самарканд, - делится новостью. Тимур.

- В Самарканд? Какое поручение? – заволновался Абдаллах.

Однако Тимур изобразил всем видом нечто, что говорило о желательности данную ситуацию держать в секрете, да так, что Абдаллах невольно, забыв об осторожности, обернулся – действительно там, за спиной, «очередники», как по команде, прекратив беседы, «наострили уши» к его диалогу с зятем.

- О, Самарканд! Самарканд! – вздыхает Абдаллах, - Самарканд подобен сладостному сну! Закрою глаза и вижу: сады, сады!

- Какие сады в Самарканде! – явно реагируя на «диалог», - говорит один «очередник» другому.

- В окрестностях Самарканда! – вторит другой.

В приятную дискуссию включается третий и тогда Тимуру – к ужасу его! – становится ясно, что с этой минуты тайна о его предстоящей поездке в Самарканд рухнула. На лице его на этот раз написано нечто, что испытывает человек, только что осознавший свою оплошность. Немая сцена: «очередники» враз умолкают, надменно пытаюсь скрыть противоположное чувствам Тимура.

Базарная площадь в Самарканде. Большие толпы зевак у аттракциона канатоходцев, образовавших живое кольцо.

- Маспоропосы из Хоросана. Впервые в Самарканде! Впервые в Самарканде! Маспоропосы из Хоросана! – выкрикивает один из канатоходцев.

- Кто сколько может! Кто сколько может! – выкрикивает другой, по-видимому, ассистент главного канатоходца. На плечах у ассистента, обхватив ножками его шею и с шапкой в руках, устроился мальчик лет 5-6. – Кто сколько может! Не скупитесь, господа! Что в нашей жизни – таньга!? Кусочек жалкого металла! А мы подарим радость на всю жизнь! Свидетель Аллах – никогда вы не видели такого прекрасного зрелища! Кто сколько может! Ай, молодец! – хвалит ассистент какого-то мужчину. – Не пожалели две таньги – кто больше? Кто больше? Ассистент с мальчиком на плечах медленно, разжигая толпу, движется по кругу...

Среди зевак, в первом ряду, мы замечаем и... Чеку со своими дружками. Впрочем узнать его, загримированного в усатого и бородатого, нелегко, - Чеку весело бросает в шапку монеты – дружки смеются...

Но вот начинается аттракцион. Канатоходцы демонстрируют свое искусство. Зрители ахают и охают. И вот тут-то в том месте, где стоит Чеку с дружками происходит вот что. Мальчик Хамид, видимо случайно оказавшись в толпе, за спинами взрослых людей, пытается протиснуться вперед, что вызывает неудовольствие зевак. Но вот наконец ему удалось, казалось, выбраться. Казалось... Но что это? Перед мальчиком Хамидом возникает стена из мощных спин сторонников Чеку – воинов. Мальчику Хамиду удастся – таки протиснуться, но как? Он как бы ныряет между ног... Чеку – тот мгновенно реагирует, хватается мальчика и буквально за уши ставит его на ноги перед собой, изумленно замолкает:

- Едок колбасок и пирожков!? Ты!?! – произносит Чеку, приходит в себя,

Хохочет. – Конечно! Конечно, это ты! – говорит дружкам. – Взгляните! Вот он, сопляк! О нем я вам рассказывал. Маленький плутишка! Почему бежал из Кеша?

- От пустите уши, скажу! – умоляет, плача, мальчик Хамид. Чеку сжалился:

- Так, почему?

- Я и сам не знаю почему, дяденька.

- Смотрите, он не знает и сам, почему очутился в Самарканде! – хохочет Чеку и продолжает: - Где твой напарник – тот, с которым лопали пирожки?

- У... Джафари.

- Какого Джафари?

- Ну... этого... поэта Джафари...

- Кто он твой напарник – поэт?

- Да, поэт.

- Он маленький, жалкий плутишка, а не поэт...

- Вспомнил! Он в медресе!

- Медресе!?

Вдруг толпа взрывается громким «ох!». Это канатоходец, возможно, умышленно, едва не срывается с каната.

- Ладно, смотри, наслаждайся... Только вот... сопли у тебя – сейчас же вытри!

Мальчик Хамид рукавом вытирает нос, не отрывая взгляда от аттракциона. Глаза, вначале настороженные, медленно – медленно загораются в восторге.

49

Под развесистым деревом разместились небольшая средневековая харчевня. В одном из закутков ее уютно пристроились Чеку и... мальчик Хамид. Последний смачно уплетает... пирожки...

- У тебя нет ни отца, ни матери? – спрашивает, отхлебывая чай, Чеку.

Мальчик, едва не давясь, кивает головой.

- И родственников?

Мальчик снова кивает головой.

Чеку довольно долго с хитрецей в глазах наблюдает за мальчиком и когда тот управился с пирожком, спрашивает:

- Так у тебя никого?

- Ни – кого, - выдавливает как бы из себя нечто тяжелое мальчик Хамид.

- Хорошо, - вдруг говорит Чеку, - я беру тебя к себе, согласен?

- Согласен.

- Какой – быстрый! Почему не спрашиваешь, зачем я беру тебя?

- ?

- Воином хочешь стать?

- Хочу.

- Я научу тебя натягивать тетиву, держать в руках саблю, я сделаю тебя настоящим воином...

Мальчик Хамид не скрывает восторга. Между тем Чеку резко меняет тон беседы, говорит, склонив голову, полушепотом:

- Тебя зовут как?

- Хамид.

- Слушай, Хамид.

- Слушаю, дяденька.

- Не дяденька, а господин Чеку сын Сарзака, лучший воин в тысяче, - хвастает Чеку, - я один стою сотни воинов! Понял?

- Понял, господин Чеку... э...

- А теперь взгляни по ту сторону улицы за моей спиной... Что видишь?

- Там такая же, как эта, харчевня...

- Еще?

- Перед харчевней – тандыр и два мангала...

- Еще?

- У мангала – шашлычник – горбун, а у тандыра – толстяк...

- С бородой?

- Да, с бородой...

- А сейчас?

- Горбун что-то сказал толстяку...

- Мальчик ты, вижу, смысленый. Но это не все, - еще тише, вовлекая мальчика в тайную игру, говорит Чеку. – Мне нужно знать все... что там происходит... что делают... говорят... Понял?

Лицо мальчика преобразается, принимает озабоченный вид.

Чеку подмигивает ему.

50

Довольно обширный двор у сестры Тимура в Самарканде. Дом частное средневековое строение с длинной летней террасой, в конце которой флигель, совмещающей кухню, столовую, а также хозяйственные постройки, которые включают, в свою очередь, жилые помещения для обслуживающего персонала, конюшню с сеновалом. Перед домом – клумба с традиционными розами. Двор окаймляют высокие глиняные стены с мощными деревянными воротами. У ворот на дощатой тахте сидят вооруженные охранники, играя в кости.

В воротах по обе стороны вмонтированы сигнальные с кольцом устройства.

К воротам подходят Чеку и мальчик Хамид. Чеку дергает за кольцо в воротах, рядом с кольцом открывается щелеобразный глазок. В глазке – настороженные глаза охранника. Затем грохот по ту сторону – «ворота» (типа глухой калитки) открываются. Чеку с мальчиком проходят во двор. Идут по двору, следуют мимо охранников вглубь двора, останавливаются у кухни-столовой. Входят в кухню. Навстречу, оторвавшись от котла, вытирая руки, выходит мужчина средних лет. Это – повар. Повар приветствует Чеку, не без любопытства, как бы интересуясь: «А это кто?», - рассматривает мальчика – тот растерянно

шмыгает носом.

- Привел тебе помощника, - говорит повару Чеку, шепчет откровенно что-то тому на ухо, отчего повар расплывается понимающе в улыбке, - и будущего воина, - и наклонившись к мальчику Хамиду продолжает: - слушайся господина Акрама... и меня... Не забыл уговор?

Чеку, оставив мальчика, идет в угол двора, туда, где еще двое воинов обрабатывают фехтовальные приемы на саблях...

Повар Акрам увлекает мальчика Хамида, усаживает на сидение, садится на против и внимательно (и как бы играючи) вглядываясь тому в глаза, произносит:

- Говорят, любишь пирожки? Это хорошо. Но пирожки надо обрабатывать... - показывает взглядом на кучу хвороста, протягивает топор, - что это?

- Дрова.

- Правильно... соображаешь...

51

Чеку, между тем, входит в дом сестры Тимура.

Одна из довольно просторных комнат, в которой чеку застает пожилого мужчину, углубившегося в какую-то книгу. Это муж Туркан, сестры Тимура Мухамад. Перед ним – чаша с фруктами.

Чеку уважительно приветствует хозяина дома – он в свою очередь отвечает приветствием на приветствие:

- А-а, это вы, дружище? – произносит рассеянно, откладывая в сторону книгу и приглашая Чеку присесть.

Чеку присаживается, сложив ноги салазкой, снова, демонстрируя свое уважение. Говорит:

- какие глубокие мысли почерпнули из мудрой книги, апенди?

- Да, глубокие мысли, - вздыхает Мухамад, - но боюсь моего разума недостаточно, чтобы проникнуть в их глубину.

- Ваша мудрость общеизвестна. Не скромничайте, апенди.

- Ах, бросьте, - отмахивается как от назойливой мухи тот, спохватывается: - Но вы, сын мой, пришли не затем, чтобы почерпнуть серебро знания из золотого колодца мудрости.

- Да, да, - поспешно поправляется Чеку.

- Вы заглянули затем, чтобы исполнить свои ежедневные обязанности – так, - усмехается Мухамад.

- Да, именно так. Вы прозорливы, апенди. Мне надо спросить многоуважаемую госпожу.

Мухамад хлопает в ладоши. Является в проеме соседней двери служанка.

- Госпожу, - вяло, сохраняя изо всех сил позу ученого, произносит Мухамад, - ее просит человек.

Служанка исчезает, но тут же появляется:

- Госпожа ждет.

Чеку вопросительно смотрит на Мухамада, как бы прося разрешения, и поняв, что тот не возражает, следует вслед за служанкой.

- Чеку, это вы? – приложив к губам палец, встречает Туркан – женщина средних лет, сестра Тимура, - следуйте за мной – я вам покажу...

Туркан подводит Чеку к дощатой стене, к потаенному глазку:

- Взгляните...

По ту сторону – большое помещение в пышном восточном убранстве, в проеме дверей в противоположной стороне помещения виден фрагмент великолепного сада. Однако, внимание Чеку привлекли двое девушек, занятых рукоделием. Девушки веселы, казалось, вполне довольны и собой, и обстоятельствами своего заточения. Нетрудно нам догадаться: одна из девушек... и есть наша знакомая Жамбы. Она великолепна. Игриво что-то напевая, она ловко орудует иглой...

- Не плачет? – шепчет Чеку.

- Уже не плачет.

- Не жалуется?

- Уже не жалуется...

Чеку, опускает задвижку злазка:

- Отчего, госпожа?

- Видишь, руки заняты – глазам покойно. Жамбы привычна к работе...

Чеку как бы машинально отодвигает в сторону защелку. В это время Жамбы надевает на голову изделие, которое оказывается конусообразным женским головным убором.

- Смотри, Фатима на кого я похожа? – говорит громко и весело Жамбы девушке.

- Ой! – восхищенно, всплескивает руками девушка Фатима, вы похожи на будущую супругу великого эмира!

Жамбы смеется. А между тем взгляд Чеку медленно задерживается на

девушке Фатиме. Чеку вдоволь насмотревшись, спрашивает:

- Госпожа, надеюсь, довольна... посылкой... своего брата?

- Была бы довольна Жамбы – мне что! – а через секунду-другую в свою очередь интересуется Туркан: - Где ее раздобыл мой брат Тимур?

Чеку смущенно мнется. Туркан озаряет догадка:

- Фатима – твоя родственница?

Чеку по-прежнему мнется.

- ...Твоя... добыча?

На этот раз Чеку приосанивается – Туркан видит перед собой настоящего воина – сотника, которому Тимуром было доверено столь деликатное предприятие – спрашивает:

- Жамбы знает кто вы?

- Нет, не знает...

- Что она здесь по воле вашего брата Тимура, госпожа?

- Нет.

- Ничего этого и не следует знать! Пока... не следует знать.

52

Повар Акрам и мальчик Хамид следуют по многолюдной улице. Останавливаются у харчевни. У мальчика хватило сообразительности подавить в себе удивление: они стояли перед харчевней, на которую его недавно просил обратить внимание Чеку... - Вот он и сейчас, уютно устроившись с одним из своих, незаметно следит за Акрамом и

мальчиком Хамидом... Оба они облачены в гражданское. Между тем Акрам здоровается с человеком, ловко извлекающим из тандыра румяные аппетитные лепешки... К ним подходит хозяин харчевни.

- Чего тебе? – вытирая со лба пот, интересуется он.

- А ты забыл о своем намерении нанять мальчишку?

- Верно – было такое намерение.

- Не раздумал?

- Уж не этого ли молокососа хочешь мне подсунуть?

Акрам изображает всем видом человека, обиженного до глубины души.

- Понятно – раздумал... Ну, и язык у тебя, братец. Осталось его отрезать и прилепить к стенке тандыра! – обиженно молвит Акрам и, махнув рукой, собирается уходить, командует Хамиду: - Пошли!...

- Ладно! Ладно! – сдается хозяин харчевни. – Что умеет этот... мальчик?

- Вот это вопрос настоящего мужчины! Что? Да все! Дрова колоть – раз плюнуть. Воду таскать – два! Работать посыльным – три!... Э-э-э... Я предлагаю золото, а ты... Видать, в печной жаре изжарились твои мозги!...

- Но! Но! Полегче с моими мозгами! Скажи-ка лучше: сколько стоит золото?

- Харчи твои...

- Согласен.

- Одна таньга.

- В неделю?

- В день! – орет Акрам

- Пол – таньги, - возражает хозяин харчевни.

- По рукам...

За всем этим издали наблюдают Чеку с товарищем из харчевни напротив.

- Слава Аллаху, теперь там – показывает взглядом удовлетворение, товарищ Чеку, у нас будут свои уши и око.

- Трудно сказать, братец, об ухе и глазах. А... рот... и желудок у пацана замечательный, ест он отменно...

- Хороший желудок – достоинство настоящего воина.

Оба хохочут, но Чеку вскоре прерывает смех:

- Т-с-с... разве у наших врагов нет глаз и ушей?

Один из работников харчевни – лопухий мужчина, явно следивший за дружками, поспешно отвел глаза, слишком усердно демонстрируя свое безразличие.

53

Знакомое помещение в доме Туркан, сестры Тимура. Сейчас оно пусто, поэтому проход через него дает нам возможность более внимательно рассмотреть интерьер восточного жилища людей богатых, но не настолько, чтобы его можно было поставить рядом по роскоши с домами элиты Самарканда. Но особенность этого дома заключается в том, что сад встроен не в передней части двора, а, напротив, сзади. Сад

небольшой, но впечатляет ухоженностью, традиционными для мавераннахарцев розарием и певчими птицами. Жамбы и Фатима по-прежнему беззаботно веселы. К ним направляется Туркан. Фатима, увидев ее, деликатно раскланивается, уходит, оставив женщин наедине.

- Как чувствуете себя, дочь моя? Вы, кажется, в хорошем настроении, но... - отвечает Жамбы.

- Вас что-то беспокоит?

- Смею ли, милостивая госпожа, спросить вас о мучающем мое сердце вопросе с первого дня пребывания в вашем замечательном доме?

-- Что уж там – спрашивайте, - говорит Туркан, несколько изменив непринужденный тон и насторожившись.

- Скажите, где я?

- Вы, насколько понимаю, - отвечает не без иронии Туркан, - сейчас стоите рядом в саду.

- Вы знаете, милостивая госпожа, как я вас полюбила. Вы как мать, как любимая старшая сестра – неужели мне запрещено знать правду!...

- О какой правде речь, дочь моя?

- Почему я здесь? Почему меня похитили? Кто похитил?

- Странные слова! Зачем вам все это? Разве этого, - Туркан окидывает взглядом вокруг, - мало? Разве мало еды? Разве на вас дранная одежда? – говорит Туркан и осекается, встретившись с взглядом Жамбы – взгляд девушки, строгий и насмешливый, стал для нее полной неожиданностью...

На секунду-другую ей вспомнилось недавно виденное в потаенный «глазок»: ... Жамбы в конусообразном головном уборе... Видение дополнило воображение: ... перед ней тогда стояла Жамбы не иначе как

в царственном головном уборе и... в платье с длинным шлейфом, который поддерживало несколько девушек...

Но вот видение исчезло, перед ней стояла обычная девушка, почти девочка, Жамбы, которая говорила, сменив насмешливость робкой улыбкой человека, который не только догадывается, но и знает правду...

- Ах, чуть было не забыла: в город прибыл караван... с самого Багдада! Ах, какие сладости! Я вам, моя дочь., приготовила блюдо... Фатима! – откликается она вторую девушку. – Принеси живо блюдце с финиками!...

Но «сбить с толку» Жамбы с навязчивой темы беседы ей не удастся – она, Жамбы, говорит:

- У меня есть и вкусная еда и красивая одежда. Фатима мне как сестра, хотя увидела я ее не более двух лет тому назад, тогда, когда она впервые появилась среди нас, барласовцев – и все благодаря вашему вниманию, милостивая ГОСПОЖА. Но сейчас осмелюсь я признаться.

- О чем, дочь моя?

- Мои вопросы вызваны желанием убедиться в своей догадке.

- У вас есть свой ответ?

- Моими похитителями были мои земляки – барласцы...

- ?

- Я хорошо их знаю... Госопжа, вы сестра одного из них, мне назвать имя?

Такое впечатление, что на Туркан опрокинули ушат холодной воды – она, явно растерянная, снова окликается подругу Жамбы:

- Фатима, где ты? – А затем, набравшись духу, говорит: - А разве, лучше,

если бы это сделали другие люди?

54

Короткие эпизоды из жизни мальчика Хамида у владельца пекарни (тандырщика - навайчи):

...Вот мы его застаем за рубкой хвороста... А вот он нагружает поднос горячими лепешками. Пекарь говорит:

- Это – на кухню менялы Махмуда. Да живее неси! Тепленькими! Чтобы одна нога здесь, другая – там!...

...Вот он стучится в двери некого клиента – двери открываются, мальчик передает поднос с лепешками – клиент в протянутую затем ладонь мальчика кладет монеты...

...Вот он у порога другого клиента с подносом горячих, испеченных в тандыре, пирожков типа самсы (остальное – как и в предыдущем кадре)...

...Вот он с железным кувшином (кумганом), медным тазом в руках и с полотенцем через плечи, обходит за дастарханом клиентов харчевни, ставя по-очереди перед каждым из них тазик для умывания рук... Клиенты смачно и неторопливо вытирают руки...

...А вот он в кругу знакомых Чеку с дружкой, уплетая пирожки, что-то говорит им – те слушают и также что-то говорят ему. НА Чеку далеко не мастерски сработанные фальшивые усы, одет он в длинный до пят халат. Так же как и его дружок... Чеку не без юмора трогает свои «шикарные» усы, на секунду – другую те меняют свое положение – фальшь обнаруживается со всей очевидностью – мальчик Хамид заразительно по-мальчишески смеется...

...Вот он со всех ног мчится с пустым подносом к месту своей работы...

...А вот мальчик Хамид обслуживает гостей харчевни. На этот раз в небольшой, укрытой от глаз посторонних ширмой из бархата, части помещения в человеке, который, восседает лицом к входной двери, неожиданно узнает... «гадальщика» из Кеша. В душе его зарождается предчувствие недоброго... Он, поливая по-очереди воду из кувшина в руки клиентам, пытается уловить суть беседы...

- Барласцы прячут девушку здесь в Самарканде – это нам со слов самого Джамала известно давно, - говорит один из гостей.

- Кто лучше Джамала знает город! А вот его слова, да будет милостив к нему Аллах! Отыскать незнакомого человека в Самарканде, в этом людском муравейнике, непросто, - вторит второй.

- Да, Самарканд большой муравейник, но и в муравейнике, если постараться, можно отыскать нить к тайному убежищу... - говорит «гадальщик», вытирая неторопливо руки, но вдруг, остановив взгляд на мальчике Хамиде, настораживается: - кажется, я где-то видел этого мальчика!...

- Вы, господин, могли его видеть в прошлый раз у нас, в харчевне. Мальчик – мой работник, - отвечает хозяин харчевни и, знаком показав мальчику покинуть помещение, в свою очередь возвращает компанию к теме беседы. Мальчик между тем, проходя за ширму у входа сталкивается с мужчиной и, узнав в нем...лопоухого в полосатом халате работника из соседней харчевни, едва не выдает своего удивления. Однако сдерживается и после того, как Лопухий исчезает за бархатной ширмой, он прислушивается к голосам гостей...

- А вот и он! – слышится глосс хозяина харчевни. Вы говорили о ниточке. – Вот человек, который знает ниточку к тайному убежищу девушки! Верно?

- Да, верно и Аллах тому свидетель!

- Говорите! Что за нить?

- Это барласовец...

- Барласовец из Кеша – для нас это новость!?

- Кто они? Кто он? Где он? – «гадальщик», судя по голосу, явно раздражен.

- Да, кто? Скажи, - присоединяется хозяин харчевни.

- Его зовут Чеку... сотник... с ним человек из охраны... Он в это время заглядывает на базар...

Воцаряется пауза, которую прерывает голос «гадальщика»:

- На базар! И сейчас же! Братъ живым, иначе не видать нам «ниточки»! Да, поможет нам Аллах в богоугодном деле!...

Мальчик Хамид услышав слова гадальщика, бросается вон из харчевни...

56

Узкие улочки средневекового Самарканда...

Мальчик Хамид бежит к самаркандскому базару. Его маршрут пересекает соборную площадь, далее следует мимо разного рода средневековых строений, приземистых глиняных домов и высоких стен, узких переулков... Под возгласы людей, которых он невольно потревожил во время бега...

57

Знакомый нам по предыдущим эпизодам самаркандский базар - поистине гигантский людской муравейник... с выкриками зазывал, голосами оживленных торговцев и покупателей, в которые вплетаются и голоса животных и т.д....

А вот Чеку с дружком в знакомом нам одеянии и неуклюже приклеенных усах... Барласовцы в хорошем настроении стоят у арбузной горки, едва ли не по-зверски урча, уплетают огромные куски сочного арбуза... Арбузные корки бросают тут же неподалеку от горки...

- На, держи! – Чеку кладет в руки торговца арбузами монету.

- Это все? – торговец явно недоволен.

- Этого мало? – в свою очередь делает удивленное лицо Чеку. – За безвкусную... незрелую... тыкву?

- Вы ошиблись, господин, - возражает торговец. – Вы имели удовольствие сейчас отведать самый настоящий...наш... самаркандский... арбуз...

- Он это дерьмо называет настоящим арбузом, - апеллирует, заговорщицки подмигнув дружку, Чеку. – Ну-ка, выложи этому несмышленишу, что сейчас мы ели?

- Сейчас, - подыгрывает дружок. - Не помню... Во рту застряла какая-то гадость... так... сейчас... сейчас... все ясно: это... подгнившая тыква...

- Бойтесь Аллаха! – вы вдвоем сейчас съели один арбуз и одну дыню, а хотите отделаться жалкой монетой! Я буду жаловаться!

- Иди жалуйся! Можешь пойти до самого... как его... кривого Джамаля...

- Вы назвали благородного, высокочтимого отца города кривым. Вы заплатите за богопротивные слова!

- Что!?! – изображает на сей раз взрыв негодования Чеку. У него нечаянно распахивается халат и перед несчастным торговцем возникает... воин, увешанный боевым снаряжением. – Повтори, я не слышался!?

- Я... хотел... пожелать доблестным... воинам... вам... доброго здоровья, - неуклюже прикладывает к груди ладони торговец.

- Ну как, простим? – обращается к другу снова в своем духе Чеку.

- Пусть живет – у него дети...

Дружки отходят и, как дети, дурачатся, хохочут, потирая животы.

- А ведь арбуз, прав несмышлениш, отменный! – говорит сквозь смех Чеку.

- Дыня – не дыня – мед! – хохочет дружок и вдруг серьезнеет. – Стой! У тебя усы отклеились...

И в самом деле Чеку с отклеенными усами выглядит забавно. Дружок протягивает руки к усам Чеку, поправляет их, что вызывает между приятелями новый взрыв смеха. Они, дурачась, медленно идут по многолюдному базару...

58

Тот же базар в те же минуты... Но с другими действующими лицами...

Это – мальчик Хамид, озадаченный и запыхавшийся. Он то и дело всматривается в толпы людей, пытаясь отыскать дружков. Вот он протиснулся через живую изгородь любителей перепелиного боя...

почти машинально полюбопытствовал – птицы схватились не на шутку! Вылез из толпы... пытаюсь бежать дальше... наступил какому-то пожилому человеку на ногу – тот заохал, успел схватить за ворот одежды мальчика... Однако Хамид не растерялся, кричит тому:

- Дедушка, смотрите – вас хотят обчистить!

Пострадавший на миг теряет бдительность, оглядываясь вокруг, выпускает из рук мальчика, который тут же скрывается... под вопль мужчины бежит... Останавливается, зорко смотрит вокруг...

59

Тот же базар в те же минуты... Группа вооруженных людей рыщут вдоль рядов с овощами, фруктами... Во главе с... лопухим... и ... гадалщиком. Среди них – и человек в голубом тюрбане, который недавно сидел на почетном месте в харчевне.

- Где!? Смотри внимательно! – покрикивает человек в голубом тюрбане.
– Не прозевай, если не хочешь остаться без головы!

- У него... усы... - бормочет себе под нос лопухий.

- Не этот?- показывает человек в голубом тюрбане на какого-то мужчину с усами.

- У него усы... пышные... насурьяненные...

- Этот?

- Нет!

- Этот?

- Нет!

- Этот?

- Нет!

Будто нарочно, отовсюду перед ними мелькают... усатые мужчины...

Поиск продолжается...

60

Чеку с дружкой, продолжая дурачиться, подходят к горшечному ряду. Прямо на земле со вкусом расставлены горшки – один к одному, в зависимости от размера, декора и т.д. Продавец, стараясь перекричать соседей, всюю расхваливают свой товар.

- Горшки, кувшины на любой вкус, для любой потребности! – хвалит продавец.

- Кувшины, горшки из самой лучшей самаркандской глины – ах, как отдают звоном! Прислушайтесь! – хвалит другой продавец, стуча по корпусу изделия костяшками пальцев.

- Для любой потребности? – спрашивает, продолжая дурачиться, Чеку.

- Вы правильно поняли – для любой. Берите – не скупитесь.

- А вот для потребности... этого... - старается «подколоть» Чеку. - Ну, когда... очень хочется ночью отлить или того хуже..., а идти в отхожее место нет мочи?...

- У вас в душе, господин, нет ни капельки поэзии. – замечает один из торговцев в изысканном тюрбане.

- А мне наплевать на твою поэзию – ты сказал «для любой потребности» - вот и отвечай за слова! – орет Чеку и снова нечаянно

распахивает полы халата, тем самым давая понять с кем те имеют дело.

И неизвестно, чем бы завершился спор, но в этот момент перед ними возникает мальчик Хамид.

- Дядя Чеку, бегите! Вас хотят схватить! Быстрее! – выкрикивает мальчик Хамид. – Они здесь!

- Чего мелешь!? Говори ясно! – продолжает по инерции орать Чеку, но тут, сообразив, умолкает.

И во время!

- Беги, Хамид! – командует он.

Мальчик исчезает мгновенно в толпе. Чеку с дружкой оказываются в полукольце преследователей. Пути для отступления отрезаны, впереди лишь сложенные в своеобразные горки изделия из жженой глины. Выкрики преследователей: «Братъ живым!» И сами преследователи буквально в 4-5 шагах. И тогда Чеку принимает единственно верное на этот момент решение: Он командует: «За мной!» - и со всего маха опрокидывает горку из горшков и под возмущенные и отчаянные выкрики торговцев, воинственных преследователей устремляется вперед, за ним – его приятель. По ходу опрокидываются и другие атрибуты, характерные для самаркандского базара. Дерзкое и достаточно неожиданное решение беглецов ошеломляет преследователей. Однако оцепенение длится недолго – преследователи, придя в себя, под вопли торговцев следуют по тому же пути. А между тем беглецы освобождаются от халатов, далее бегут с саблями в руках... петля между торговыми рядами, то и дело меняя направление. И таким образом погоня, весьма зрелищная со своеобразной спецификой средневекового Востока длится довольно долго – до тех пор, пока ситуация для беглецов становится неразрешимой. Они останавливают бег в буквальном смысле перед стеной в, которой виднелось нечто подобное ступенчатому зазору. Чеку по инерции устремился к зазору, намереваясь одолеть стену. Взглянул на ту сторону и к ужасу, увидев за стеной неодолимую пропасть,

принимает мгновенно решение – приказывает:

- Я прикрою! Беги! Предупреди!

Далее события развиваются так: приятель Чеку с большим трудом взбирается по ступенчатому зазору на верхотуру стены. Чеку же ждать осталось недолго. Вот и стоит он спиной к зазору – лазу. Выглядит он несколько забавно из-за отклеившихся усов.

Преследователи останавливаются в 3-4 метрах от беглеца, явно опасаясь его острой сабли.

- Что вам надо, господин? – спрашивает, изготовившись к бою с неравной силой, Чеку.

- Нам надо, чтобы вы благоразумно сдались. Глядите, у вас нет шансов, - говорит «гадальщик».

- Вот что! Я подумал господу, почему-то о другом.

- О чем? Уж не о райских ли птичках в садах Аллаха? – иронизирует «гадальщик» и это вызывает дружный хохот.

Чеку бросает короткий взгляд через плечо вверх – приятель почти вскарабкался на верхотуру стены, минута – другая и он будет недосягаем для преследователей – говорит:

- Я знаю, что вам надо, господу... Горшки для ночных потребностей – вот о чем вам надо позаботиться господу!

«Гадальщик» багровеет – кричит:

- Взять! Живым!

Неравная схватка, тем не менее, длится достаточно продолжительно. Запомнится: одного из преследователей, того, который каким-то образом пробравшись к лазу, пытался карабкаться вслед за приятелем,

сабля Чеку достала вовремя. Чеку сразил и второго, третьего... Но вот он споткнулся, упал и стая со всех сторон наваливается на него, крепко держит за руки... Чеку устал, он весь в кровотокающих ранах и тем не менее в своем духе: эпатирует, сыпет оскорбительные словечки...

Доволен и приятель его: наконец-то он наверху стены недосыгаем, а потому, сняв штаны, он в знак этого демонстрирует свою...

«Гадальщик» взбешен, едва ли не с кулаками набрасывается на своих воинов – кричит:

- Болваны! Почему никто из вас не удосужился захватить стрелы и лук!?

Чеку, напротив, хохочет.

61

Самарканд. Тюрьма. Мрачные, то и дело изгибающиеся, разветвляющиеся коридоры... По одному из них с факелами в руках шествует группа людей, среди которых нетрудно узнать знакомых нам «гадальщика», лопухого, торговцев горшками и арбузами и... Джамалья, правителя Самарканда. Группа проходит мимо ниш в стене, в которых за толстыми железными прутьями видны измученные фигуры узников. Такого примерно рода камеры и в полу коридоров. Это-зинданы. Люди останавливаются около одного из зинданов, факельщики освещают чрево зиндана, на дне которого видна фигура заключенного. Факельщики – тюремщики со знанием дела показывают повелителю свой «товар».

- Имам Дауд, - информирует тюремщик – об обитателе зиндана – богохульник. Богоотступник...

Джамаль не считает нужным далее вникать в дело имама Дауда и следует дальше, останавливается у другого зиндана...

- Это Джафар. Бунтовщик. Смутьян...

- Почему они молчат? – наконец произносит Джамаль.

- У них... отрезаны языки, а у этого, мой повелитель, еще и руки.

Повелитель Самарканда ковыляет дальше.

- Господин повелитель... Господин повелитель! – слышится отовсюду – справа и слева из-за решеток на шествующих смотрят изможденные лица заключенных.

Но вот перед шествующими открываются двери – свита оказывается в камере пыток. Внутри помещения по обе стороны камеры и в глубине ее – предметы, необходимые для пыток. Тут же – трое людей. Двое из них, судя по всему, работники тюрьмы, третий – Чеку...

Работники раскланиваются, усаживают повелителя Самарканда Джамалю в кресло... Один из его свиты что-то шепчет ему на ухо – тот едва уловимым кивком принимает к сведению сказанное, затем немигающее взирает на Чеку.

- Ведомо ли тебе, кого изволят лицезреть твои, да будут они прокляты, глаза? – спрашивает глава тюрьмы.

- Это – повелитель славного города Самарканда. И да будет к ним всегда милостив Аллах! – отвечает Чеку.

Глава тюрьмы наклоняется снова к Джамалю – тот коротко что-то шепчет. Глава тюрьмы обращается к Чеку:

- Почему ты здесь?

- Я с приятелем гулял по базару и тут...

- Гуляли?

- Свидетель Аллах – гуляли...

Слова Чеку встречены дружным и довольно продолжительным смехом.

- Ты полагаешь, тебя взяли по ошибке?

- Именно так: по ошибке. Вы проницательны, господин повелитель.

Снова смех.

- За арбузы и дыню забыли заплатить?...

- О, вы всевидящие и всезнающие люди – да, забыли! Забыли – чертова память!...

Веселое оживление.

- Сотню изделий из высококачественной самаркандской глины разбили! Может быть тоже по ошибке!?

Вперед выступает знакомый торговец, он плача говорит:

- Видит Аллах, они разорили меня.

- Не беспокойтесь, господин горшечник, я восполню ущерб.

Повелитель города снова что-то шепчет главе тюрьмы.

- Ты погубил двух лучших воинов повелителя – тоже нечаянно?

- О, у вас, всемилостивый повелитель, замечательные воины! Двое? Вы сказали “двое”? Клянусь, я не хотел их убивать... Они сами... споткнулись и ...

- Хватит лжи! – рявкнул глава тюрьмы. – Прикуси свой грязный язык!

Повелитель города дает знак главе тюрьмы – шепчет и тот, смирив гнев, обращается к Чеку:

- Где содержится девица Жамбы? Ты знаешь, что ее разыскивает родной племянник нашему всемилостивому – да поможет его деяниям Аллах! - повелителю Самарканда – лучшему из лучших городов нашего солнечного Мавераннахра?

- Я несчастный бродяга – да покарает меня Аллах! – а потому ни о какой девушке... Ж...амбы... не слышал... но в нашем Кеше много добрых слов говорят о всемилостивом повелителе Самарканда.

Повелитель что-то шепчет снова – в который уже раз! – главе тюрьмы – тот жестом подзывает лопоухого.

- Говори, как назвал нашего... всемилостивого?

Лопоухий мнется.

- Говори!

- У меня не поворачивается язык – да отсохнет он! – произнести это богопротивное слово...

- Говори! – наконец-то, минуя посредничество, как бы взрывается повелитель Самарканда.

- Он...он... Назвал нашего... всемилостивого, богоугодного повелителя... э... кривым...

- Так и назвал? – спрашивает тюремщик.

- Он... “кривой Джамаль” ... Клянусь, это его слова!

Тут происходит следующее: повелитель встает, показывая этим, что на этом дело Чеку закончено – идет к выходу. За ним шумно устремляются другие. На миг-другой задерживается глава тюрьмы, дает знак

работникам камеры допросов – один из них понимающе кивает головой, идет к угольям, достает оттуда раскаленный железный стержень...

62

Снова – мрачный, темный коридор. Вдали, словно светлячки – огоньки. Это – удаляется с факелами свита повелителя. За кадром жуткий вопль. Ясно: “допрос” Чеку продолжается....

63

А вот он, Чеку, собственной персоной стоит перед вершителями его судьбы. Глава тюрьмы в окружении других работников тюрьмы зачитывает приговор:

“... За богопротивные деяния, выразившиеся в обмане, воровстве, нанесении ущерба верным Аллаху и законопослушным гражданам, а также великому Самарканду, убиение двух славных воинов гвардии повелителя, человека без доброго рода по имени Чеку сына барласовца из Кеша, приговариваю к заточению сроком на 5 дней в зиндан, а по истечении 5 дней – лишению языка, а затем и головы...”

Чеку выслушивает приговор молча...

64

Чеку по знакомому нам темному пещерообразному коридору подводят к зиндану... С грохотом открывают решетчатый люк... опускают

лестницу. Шурф высотой метра 3 сверху освещают факелом – предстает перед нами картина отнюдь далеко не из приятных.

- Ну, что? – издевательски спрашивает глава тюрьмы.

- Рай! Сам Аллах был бы рад вкусить его плоды. – отвечает дерзко Чеку.

- Не богохульствуй – иди! – подталкивают заключенного в спину. – Иди в свой рай! Ха-ха-ха. Ты заслужил его! Ха-ха-ха. Доволен!?

Чеку на дне зиндана, лестница тотчас же убирается.

- Доволен! – кричит Чеку снизу под лязг захлопнувшегося сверху решетчатого люка. – Я в раю!... Я в раю!... Я в раю!... – еще некоторое время слышится голос заключенного...

- Собака! – слышится голос главы тюрьмы в темноте...

- Очень скоро развяжется у него язык. – Он, запомните мое слово, заговорит иначе, - говорит кто-то другой из тюремщиков.

- Будет рад, - хихикает третий, - рассказать об этой девушке... Ж... Ж.

- Жамбы. – подсказывают ему.

- Поздно. – снова слышится в темноте на фоне удаляющихся вдали факелов. – Расскажет – не расскажет. Итог один: в...ж-жик! И – язык в руках палача – в...ж-жик... головы нет...

Последние слова главы самаркандской тюрьмы вызывает угодливый хохот тюремщиков.

- ... А девку найдем... обязательно разыщем... и без этой собаки!...

65

Ночной Самарканд. Силуэты зданий на фоне звездного неба. Едва уловимые очертания улочек, переулков. А вот знакомый двор сестры Тимура. Звуки: вдали – окрики стражников, неподалеку – стрекотанье цикад!... В одном из маленьких окон полощется неяркий свет...

66

Знакомая комната в доме сестры Тимура – Туркан. За небольшим дастарханом – Мухамад, трое воинов, в том числе приятель Чеку. Неподалеку, склонив голову, но обостренно слушая полуночников, стоит Туркан. В углу комнаты прямо на полу спит мальчик Хамид. Полуночников мы застаем в момент принятия решения.

Так и есть.

- Итак, одному из вас надо срочно ехать в Кеш. Два дня хорошего хода туда, два – назад. Приговор Джамала может отменить только эмир Казанган – надеюсь никто не станет оспаривать это, - говорит Мухамад.
- Ехать следует немедленно.

- Немедленно?

- Нет, нет, не сейчас – дождемся утра, город распахнет ворота – тогда и в путь.

- Я готов! – заявляет приятель Чеку.

- Не ты, нет, - Мухамад задерживает взгляд на втором воине. - Готов ли ты оправдать наши надежды?

В ответ воин кладет в поклоне себе на сердце руку...

До Самарканда не более одного дня пути. На берегу безымянной речушки на отдых расположился со своим отрядом в 2-3 сотни воинов Тимур. Время обеда, который, разумеется, сопровождается всеобщим весельем. Приподнятое настроение и у Тимура. Он во главе самого почетного, как и подобает, дастархана. Тут же свой весельчак, шут, он же фокусник Абдукерим.

Обед мы застаем где-то на исходе его. Внимание этой группы (в том числе и Тимура) обращено именно к шуту. Он держит в руках ломоть мяса, который на глазах людей вдруг исчезает. Тогда шут, «горько» причитая («Кто лишил меня обеда? – Аллах свидетель, я только – что держал его в руках, готов был насладиться, наполнить пузо – и вот его нет!... и т.д.»), стоя шарит вокруг, залез за пазуху соседу – тщетно. По – прежнему причитая и проклиная, он залез за пазуху второму соседу и под взрыв хохота извлек искомый ломоть мяса. Однако, придя в себя, не удержался сосед и со словами «Над кем изволишь шутить, поганый ублюдок? Надо мной, сотенным!?» вскакивает, выхватив саблю. Возбужден и шут. Перебранка, в которой трудно отличить сходу серьезное от наигрыша, вот-вот грозит вылиться в настоящий конфликт. Конец этому кладет Тимур. Он хлопком ладони об ладонь призывает «противников» успокоиться. Воцаряется тишина.

- Ты, Юсуф, хороший сотенный, а ты, Абдукерим, надежный воин. Своими глазами видел ваше усердие в сраженье. Но хороший воин должен уметь не только быстро натянуть тетиву лука и крепко держать в руках меч... - Тимур берет в руки ломоть реберной часть варенного мяса, ловко отделяет мякоть от ребра. – Мне нужны воины, которые умеют отличить шутку от серьезного так, как эту кость от этой мякоти. – И вовсе приняв серьезный вид, продолжает. С такими воинами мы сможем навести порядок в Самарканде. – Мы исполним волю нашего всемилостивого эмира Казанганда!

Слова Тимура встречают с одобрительными возгласами. Вмиг забыты недоразумения между Абдукеримом и Юсуфом. Но тут к Тимурю подходит один воин, шепчет что-то на ухо. Тимур – весь в внимании.

Воин возвращается вдвоем со знакомым нам посыльным из Самарканда. Посыльный вручает свернутое в трубку письмо Махамада. Тимур молча, про себя, читает письмо, постепенно мрачнеет. За дастарханом воцаряется молчание.

- Плохая новость из Самарканда, - говорит он, сворачивая письмо в трубку. - Чеку Джамалем заточен в зиндане! Ему грозит смерть...

- Чеку в зиндане! – слышится отовсюду.

- Предлагают вмешаться все милостивому эмиру Казангану.

Молчание.

- Для этого у нас есть и воля и сила!...

Тимур встает показывает на саблю...

- Для этого есть и власть!...

Рукой он достает рулончик бумаги, закрепленный печатью...

- Вот – власть, данная мне эмиром Казанганом!... А сейчас - в путь. Я возлагаю на вас надежды – Аллах с нами!

Воины Тимура бросаются к коням...

68

Тамерлан со своим отрядом на марше. Впереди, как и полагается, сам Тимур. Рядом – его военачальники, в том числе и знакомый нам посыльный из Самарканда... Отряд исчезает за неровностью рельефа...

В центре базарной площади Самарканда – место, где недавно демонстрировали свое искусство канатоходцы – плотники сооружают постамент для предстоящих экзекуций. Тут же – толпы зевак.

- Уважаемый господин, - спрашивает некоего мужчину, молодой худощавый человек в тюрбане, в длинном, до пят, халате, с книгой подмышкой, с которым неотступно следует мальчик Хафиз – будьте любезны, скажите, пожалуйста, что здесь сооружают?

- Неужели трудно догадаться, уважаемый Джафари, с вашей-то ученостью, что здесь сооружают помост для экзекуций?

- Каких именно экзекуций и кого намерена наказать власть?

- О, Аллах, откуда мне знать кого – не моего разума, признаться, это, спросите, - мужчина кивает на плотников, - мастеров.

Мужчина в тюрбане с книгой подмышкой обращается к плотнику:

- Не могли бы, уважаемый мастер, удовлетворить наше любопытство...

- Любопытство? И какое, милостивый Джафари?

- Для каких экзекуций сооружаете помост? А вот второй вопрос: для кого?

- У меня нет ответа на ваши вопросы. Извините...

- У меня есть ответ, идемте в сторонку, - его берет за локоть незнакомец, отводит в сторонку. - Так слушайте, благородный апенди. Завтра экзекуции будет подвергнут уроженец Кеша по имени Чеку... Остальных не помню...

- Чеку?

- Да, Чеку – вам знакомо это имя?...

- Нет, не приходилось слышать. Очень странное имя!...

- Он барласовец. У барласов и не такие имена можно встретить.

Покинув строительную площадку, мы пересечем базар, выйдем на одну из оживленных улиц Самарканда, пройдем по ней почти до главных городских ворот, оттуда в нашу сторону будет надвигаться отряд Тамерлана... Перед всадниками, слышатся выкрики: «Посланник эмира Казангана! Дорогу! Дорогу! Посланник Казангана! Дорогу!...»

Таким образом двигался отряд Тамерлана к дворцу повелителя Самарканда.

А вот – и дворец. По обе стороны портала вооруженная охрана... между ними ступает Тамерлан со своими военачальниками...

70

Покои повелителя Самарканда обставлены по-царски: дорогие персидские ковры, изделия из золота и серебра, инкрустированные драгоценными камнями, мебель с диковинными узорами и креслом – трон, живые цветы, с настежь открытыми дверями в сад – нечто похожее мы видели и у сестры Тимура, но, наверное, в стократ беднее – с певчими птицами.

Джамаль один, если не считать застывшего у входа стражника.

Но вот к нему входит глава канцелярии градоначальника. Глава канцелярии прижимает ладони к сердцу.

- К вам – посланник эмира Казангана.

Повелитель Самарканда взволнован.

- Посланник? С какой вестью пожаловал?

- У них на руках послание эмира.

- Простите.

Канцелярист, пятясь, идет к выходу и уже раскрываются двери, но тут... у градоначальника сдают, казалось, нервы:

- Стойте! – едва не кричит он. – Я сам.

Градоначальник идет к выходу. По ходу лицо его заметно меняется, исчезает строгая надменность всевластного хозяина, появляется нечто противоположное. В момент встречи же он – весь радушие и хлебосольство. Джамаль едва не с распростертыми для объятия руками идет навстречу к Тамерлану.

- Самарканд приветствует в вашем лице великого эмира великого Мавераннахра! – Да будет деяниям его милостив всемогущий Аллах!

Однако Тамерлан настороже, да так, что градоначальник в середине сладкословия едва не осекся.

- Милость нашего эмира безгранична, - протягивает Тимур градоначальнику знакомое послание эмира. Свидетельство тому эта грамота.

Джамаль читает про себя.

- Вы волею великого эмира наделены властью. – Я готов предоставить свои услуги. Назовите ваши намерения и пожелания.

- Я надеюсь, что мы с вами найдем время обсудить наши намерения, а сейчас изложу лишь одно мое желание.

- Я слушаю.

- В заточении у вас, в зиндане, находится человек по имени Чеку.

- Да, я слышал. Барласовец из Кеша... Вор и убийца осужден по закону, который свято чтится у нас, в Мавераннахре...

- У вас, в Мавераннахре, - говорит задумчиво и как бы отстраненно Тимур. – Мавераннахр не только Самарканд, но и Кеш...

- Восхищаюсь вашей проницательностью господин посланник. Дай вам Аллах здоровья. Позвольте полюбопытствовать почему желание ваше связано с именем человека по имени Чеку? Вы хотите знать, почему, он приговорен к отсечению головы?

- Хочу знать? Нет, не знать, а видеть – видеть живым и свободным. И сейчас же!

- Человек по имени Чеку приговорен по... - кипятится Джамаль.

- ...вашему указанию, - перебивает Тимур.

Градоначальник откровенно обескуражен: его, повелителя великого Самарканда, перебили! И как!? И тон человека, явно недовольного.

Джамаль растерянно взглянул на главу канцелярии, ожидавшего распоряжений хозяина – тот смущенно отвел глаза, взглянул на дерзкого посланника. Тимур, как ни в чем ни бывало, словно в какой-нибудь заурядной харчевне, спасаясь от духоты, распахнул халат...

- О, у вас замечательные розы! – произносит он, нарочно любуясь розарием, выращенным тут же, в помещении.

- О, да! – попадает как бы “на крючок” градоначальник.

Между тем, Тимур достает... нож и, не спрашивая разрешения, ловко срезает одну из роз:

- Вам приходилось видеть розу... без шипов?

Также демонстративно удаляет ножом шипы:

- Говорят не бывает розы без шипов... Вот вам роза без шипов – не находите, милостивый повелитель великого Самарканда, что это обратное общепринятому? Не находите, что у этой прекрасной розы очень тонкая шейка?

Градоначальник Джамаль бледен, с трудом скрывая ужас, бросает взгляд на главу канцелярии – тот, поняв, идет к хозяину.

- Человека по имени Чеку доставить... живым... - обращается к Тимуру: - Где удобнее господину посланнику будет лицезреть барласовца по имени Чеку?

- У вас отменный вкус, - говорит Тимур, уходя от ответа, но в действительности цепко контролируя в уме суть задуманного, внутри ликуя по поводу первой победы. - Эти ковры могли бы достойно украсить любые царские покои. Уж не из Герата ли они?

- Еще одно свидетельство вашей проницательности: это – дар друзей из Герата, - и, как бы спохватываясь, градоначальник дает команду канцеляристу: - Доставить во дворец.

Канцелярист удаляется, Джамаль входит в роль “гида”, говорит: “А этот ковер из Ширази...” – и, о, ужас, он видит, как Тимур, шагая, наступил... на оброненную розу... Джамалю от такого рода поступков посланника, отдающих мистикой, становится не по себе, но тем не менее странный “экскурс” по резиденции градоначальника продолжается...

- Удивительно! – говорит Тимур как бы машинально под впечатлением сказанных Джамалем слов. - Хороший ковер радует глаза, но...в него можно и закатать человека...

Джамаль еще пуще взволнован.

...На месте сооружения помоста для экзекуций на базарной площади. Некто – посыльный поднимается к рабочим.

- Велено прекратить работы. Все. – говорит он.

- А как изволите поступить с этим? – спрашивает плотник, показывая рукой на недостроенный помост.

- Разобрать! – следует короткий ответ.

Посыльный ступает с помоста, его тотчас же обступает толпа зевак. Тут же – знакомый нам мужчина в тюрбане с книгой подмышкой, Джафари, и мальчик Хафиз.

- Нам слышалось, что вами сказано слово “разобрать”. – Мы не ослышались? – остро интересуется человек с книгой подмышкой.

- Нет не ослышались, уважаемый апенди. Я так и сказал: “разобрать”

- Не означает ли это, что казнь отменена? – не унимается человек в тюрбане.

- Именно так. Отменена

- Слышали, казнь отменена, - говорит зевакам Джафари.

“Отменена... отменена...” – разочарованно проносится в толпе зевак. А на помосте в эту минуту происходит вот что. Один из рабочих со словами: “Нам что? Разобрать, так разобрать”, - обухом топора выбивает доску, которую второй рабочий складывает у подножья помоста... Поверх этой доски ложится следующая и т.д.

Джафари и мальчик Хафиз идут по безлюдной узкой Самаркандской улочке.

- Мой учитель, позвольте задать вам вопрос? – говорит мальчик Хафиз.
- О, конечно! Конечно!
- Я заметил...
- Что заметил мой сын!
- Я заметил учитель: вы тонко чувствуете прелесть роз, но интересуют вас и мерзости, коими полна суть человека.
- Я понял намек, юноша, - молвил Джафари и после долгого и обоюдного молчания говорит: - Да. Я люблю и топтать грязь, и лицезреть противные человеку вещи... Почему? Отвечаю: только тот, кто познал мерзость, грязь, сможет ощутить тончайшие прелести цветов... У – у – уф!
- Что с вами, учитель?
- Т-с-с! ... Я вдыхаю запахи самаркандской розы!

Мальчик Хафиз удивлен. Но вот он, вслед учителю, смотрит на другую сторону улочки. – Там изящно семенит в черном покрывале в противоположную сторону молодая женщина. Почувствовав на себе взгляды незнакомых людей, женщина ускоряет шаг, исчезает за поворотом.

- Ах, какое личико, какие изумительные глазки! А улыбка! А уста!...
- Но...
- Что “но”, юноша?
- Ведь личико, если я не ослеп, было скрыто под покрывалом!
- Разве покрывало помеха для беспокойного зрячего поэта?! Вам юноша, - Джафари ласково треплет мальчика Хафиза по голове, -

придется еще немало шлепать по грязи и учить суры божественного Корана. Не бойтесь грязи, юноша, учите суры Корана, Хафиз!

- И тогда я тоже стану видеть невидимое?

- Вы станете поэтом, юноша.

- Я стану поэтом?

- Разве я сказал вам об этом? Ах, да, кажется так и есть – сказал...

72

Резиденцию градоначальника застаем в том же виде, в котором мы ее недавно оставили, т.е. хозяина и посланника наедине (если не считать стоящих у дверей канцеляриста и охранника).

- Это кусок необработанной бирюзы из Бадахшана - дар...

Градоначальник на слове “дар” осекся – причиной тому шум, громкие голоса людей за дверями. Канцелярист выходит, но тут же, вернувшись, объявляет:

- Человек по имени Чеку доставлен.

Джамаль взмахом руки просит войти в помещение вваливается группа тюремщиков (снова с главой тюрьмы) с Чеку. Последний выглядит печально: взлохмаченный в ссадинах, синяках, в рванной одежде. Увидев Тимура, Чеку несколько озадачен:

- Неужели это вы!? Нет, я не ослеп – это Тимур! Тимур, это я Чеку! Твой сотник!

- Сотник, откуда ты? – спрашивает Тимур строго, но и участливо.

- Как что! Разве не видно по мне, что я только – что побывал в раю!... Это? – показывает на ссадины. – Малость ушибся... сорвался с райской яблони, ну, и...

- Почему без оружия, сотник? – еще более придав голосу металл, спрашивает Тимур.

- Оружие? Лучше спроси, как я орудовал этим оружием! Их была сотня – не меньше! Сотня шакалов, нас – двое! Двое против сотни – нет, больше сотни жалких шакалов! Я сражался, как лев! Извивался, жалил, как змея! Десять шакалов положил на месте! Но их было больше сотни – что оставалось делать мне, доблестный Тимур! – в своем духе, преувеличив свой подвиг, выпалил Чеку.

- Придержи свой язык! – рявкнул Тимур и, обернувшись к градоначальнику, сказал:

- Властью данной мне эмиром Казанганом, я призываю вас передать в мои руки вот этого... невоздержанного на язык человека... по имени Чеку!

- Отныне он ваш... он свободен, - поспешно соглашается градоначальник.

Тут же с Чеку снимают цепи – он не скрывает (и, не пытается скрыть) своей фонтанирующей радости по этому случаю, едва не подпрыгивает от радости, ловким движением выхватывает из-за пояса главы тюрьмы саблю.

- Извините, уважаемый господин смотритель райского сада, эта... штука принадлежала мне. Видно, она вам приглянулась, но уверяю вас: она вам не к лицу. Я этой штукой отправил в рай и... ад сотни шакалов! Вот

она, родимая!

Чеку целует саблю, целует несколько ниже рукоятки – то место, где выгравировано его имя. Затем делает несколько взмахов над головой тюремщика – тот в ужасе, старается присесть, закрыть лицо руками.

Чеку хохочет, всем видом показывая насколько смешна трусость главы тюрьмы.

Однако Тимур серьезен. Он оборачивается к градоначальнику:

- Эмир надеется: Самарканд поставит Мавераннахру тысячу умелых воинов со снаряжением...

- Тысячу!? Со снаряжением!?

- Вы обрадовались? Удивились?

- Самарканд велик, но где взять столько воинов и снаряжения!... Второй год неурожай... Купцы скупы..., а тут снаряжения на тысячу! Нам бы до осени протянуть – не умереть с голоду эту зиму!

- Да, Самарканд велик, - говорит Тимур несколько задумчиво, и, наверняка ни на секунду не теряя нить разговора, срезает второй стебель розы, очищает ее от шипов. – Вы правы: Самарканд велик... А купцы? Мне кажется... процветание Мавераннахра дорого... всем самаркандцам... купцы – не исключение... Купцам... владельцам караван-сараев благополучие Самарканда должно быть особенно дорого... Поручение нашего эмира для нас закон и мы его выполним чего бы это ни стоило! – говорит в заключение Тимур, бросает розу на пол, да так, что у Джамала невольно отвисает челюсть.

73

К воротам Мухамада, мужа Туркан, опираясь на посох, приковыляло

некое диваноподобное существа. «Существо» постучало в ворота – в щелочке с той стороны показались встревоженные глаза стражника:

- Что тебе надобно, божий сын?

- Мне бы, добрый человек, чашечку горячего чаю. – Не откажете в любезности.

По ту сторону слышится голос другого стражника:

- Что он просит?

- У него просохло горло ...

- Стало быть, просит воды.

- Если бы – ему подавай чаю!

- Чаю? А может дать чаю с щербетом? С халвой?... Эй, странник, а не желаете чаю с пловом с жаренной перепелятиной!?

- Меня, добрые люди, замучили жажда и голод. Плов, да еще с жаренной перепелятиной – это как раз то, о чем тоскует, - да простит ему Аллах! – мой желудок...

- Прочь! Прочь, богохулец! Иди в харчевню, там тебе дадут все, что пожелает твой желудок!

Стражники весело смеются.

- Добрые люди, я сыт от ваших слов. Примите мою благодарность... А сейчас будьте добры попросите сюда, к воротам... Чеку... барласца... сотенного из Кеша!

Стражники, судя по шумам по ту сторону ворот, в замешательстве...

74

Двор Мухамада. В глубине его (в присутствии своего неперменного напарника) Чеку учит мальчика Хамида военному искусству, на лице Чеку шрам – свидетельство его недавней бурной деятельности.

- Ну-ка повтори, что, мальчик, задержалось в твоей голове?

- Тысяча Тимура непобедима! – чеканит мальчик Хамид.

- Еще?

- Чеку – лучший воин в тысяче непобедимого Тимура!

- Еще?

- В сражениях нельзя оставлять в беде товарища!

- Атому, кто сделал наоборот?

- Смерть!

Чеку явно доволен.

- А теперь повторим, чему научились твои руки... Держи! – Чеку подает мальчику Хамиду, сняв со стены, саблю. – Руби меня! Не бойся!...

Мальчик после небольшого колебания делает взмах тяжелой саблей – Чеку играючи, ловко отражает удар, да так, что сабля мальчика оказывается на земле...

В этот момент к ним подбегает стражник.

- Чеку просят...

- Кто!?

- Известный!

Чеку вместе со стражником следует к воротам, смотрит в щелочку, и увидев по ту сторону «существо», недовольно восклицает:

- Что понадобилось этому... попрошайке!

- Добрые люди, мои глаза страдают лицезреть великого воина...

- Ну, я великий воин, - смягчается Чеку.

-...Чеку – барласца, который один легко справляется с сотней!

- Ну, я... - продолжает Чеку, но, осененный неожиданной догадкой, удивленно восклицает: - Тимур!

Вход в ворота немедленно открывают. Входит «существо», которое действительно оказывается Тимуром. Стражники, каясь, подают на землю. Тимур бросает на руки опешившего Чеку один за другим атрибуты маскарада. На шум прибегает и повар Акрам. Тимур зорко и серьезно оглядывает двор, затем – людей, замерших в ожидании. Останавливает взгляд на Чеку – говорит жестко:

- Произнести твое имя – значит открыть любую дверь в Самарканде – так?

- Будь уверен, Тимур, я сменю стражу – сюда не проникнет ни одна мышь, - выпаливает в ответ Чеку.

Стражники в ужасе, Тимур же, напротив, несколько смягчается, произносит, обернувшись к Акраму:

- Меня не мучает жажда, я не голоден, но от хорошего плова не откажусь.

- Будет исполнено, госп... господин посланник великого эмира, - говорит Акрам – ваше желание будет исполнено!

- Тимур! – в глазах Чеку светился прямо-таки детская восторженность.

- Тимур! – докладывают Мухамаду.

В дверях появляется Туркан.

- Тимур!

75

За семейным дастарханом - Тимур, Мухамад, Чеку, поодаль, соблюдая «дистанцию» - Туркан. На дастархан Акрам самолично ставит блюдо с пловом.

Идет неспешная беседа.

- У вас, – обращается к Мухамаду, Тимур, - вся жизнь прошла в Самарканде...

- Не только моя, но и моих родителей... родителей моих родителей...

- Самарканд вы знаете как никто другой, - продолжает Тимур.

- Самарканд они знают не хуже своего дома, - вклинивается в разговор Чеку, но, встретившись с жестким недовольным взглядом Тимура, считает за благо отступить в тень.

- Самарканд и есть мой дом, - произносит, тщательно подбирая слова, Мухамад.

- Отлично. В таком случае не откажите в любезности просветить меня...

- Буду рад поделиться своими знаниями.

- Градоначальник Джамаль считает, что город не в состоянии набрать и содержать тысячу воинов...

- О, этот... кривой Джамаль! Змея с грязными руками!

- Так, как?

- Я могу вам показать в безоблачную ночь тысячу звезд на нашем небе...

- Как?

- В Самарканде не менее трех – четырех тысяч семей...

- Это все?

- Разве этого мало? Ах, да, сможет ли Самарканд содержать свою тысячу – так я вас понял, Тимур?

- Вы проникли в суть задачи.

- Самарканд разве беден?... Если потрясти наших купцов... покопаться в хранилищах... складах... по сусекам... - О... не знаю, не знаю! – качает головой, загадочно улыбаясь Мухамад. – Разве вы озабочены только этим? Вы не желаете побеседовать со своей сестрой?...

Туркан, догадываясь о том, что речь идет о ней, смущенно улыбаясь, покидает помещение.

76

И вот они вдвоем – брат и сестра.

- Ты возмужал, брат, и становишься похожим на покойного отца, - говорит Туркан.

- А ты, сестра, становишься похожей на мать.
- Значит, я постарела, да?
- Нет, для меня ты все та же. И разве в этом суть смысла нашего бытия?
- В чем же, брат?
- Главное, что мы живы и здоровы, что я хотел тебя увидеть и, слава Аллаху, мы увиделись...
- Но ты ведь приехал в Самарканд, - Туркан лукаво улыбается, - не только затем, чтобы навестить сестру.
- Да не только, ты угадала.

Подходят к задвижке с потаенным «глазком». По ту сторону стены – наши знакомые Жамбы и Фатима.

- Она все еще девочка... смеется... плачет... - говорит Туркан.

Жамбы, будто догадываясь, что в этот миг за ними зорко следят чьи-то глаза, поворачивается и притом, как бы демонстрируя перед кем-то свое очаровательное личико... Наплывает (в который раз!) видение: Жамбы, искупавшись, выходит на берег реки... А вот она, вскрикнув, закрылась платицем... ее глаза, наполненные одновременно чувствами стыда, тревоги и чего-то такого, что испытывает девушка, осознав в себе неотвратимость тяги к противоположному полу...

- Я хочу, брат, ясности...
- Вы о чем, сестра?
- О ней, девочке... Жамбы.
- Хотел бы я ощутить эту ясность.

- Как? Как понимать ваши слова?

- Понимайте по своему, данному Аллахом, разумению, сестра.

- Мне удастся это сделать?

- Попробуйте понять... попробуйте... - молвит рассеянно Тимур, продолжая наблюдать машинально за девушками.

Там, по ту сторону стены, происходит вот что: девушки, что-то напевая и пошучивая, играют в шахматы. Жамбы иногда на секунду – другую становятся серьезной...

Тимур вдруг направляется к дверям в девичью. Туркан хватает его за руки:

- Тебе нельзя, брат!

Но Тимур неустойчив. Он, ни говоря ни слова, открывает двери, на секунду – другую замирает в дверях. Девушки, напротив, в ужасе вскакивают на ноги, а подруга и вовсе убегает в боковую дверь.

Тимур останавливается перед девушкой, оба молчат, вглядываясь в глаза друг другу.

- Вы, Тимур... - прерывает Жамбы свое молчание.

Без ответа.

- Почему я здесь?

Без ответа.

- Я ваша наложница?

Без ответа.

- Я ваша рабыня?

Без ответа.

- Кто я вам?

Без ответа.

- Вы хотите взять меня в жены?

И снова – видение – воспоминание: Жамбы старается прикрыть наготу платящим...

Тимур как будто бы собирается что-то сказать, но... сдерживается.

- Вы убили Долона...

- Кто Долон? – наконец прерывает молчание Тимур.

- Мой троюродный брат.

- И только? – Тимур берет с шахматной доски фигуру... переставляет на другую клетку.

На этот раз не осмеливается говорить Жамбы. Она полна некоего ожидания. Однако Тимур без слов, резко обернувшись, следует к выходу. Жамбы долго смотрит ему вслед – до тех пор, пока тот не исчезнет из вида. Ее, застывшую как бы в неподвижной позе, безусловно озадаченную странным визитом Тимура, застаёт подруга Фатима:

- Простите, госпожа, не знаю, уместно ли мое присутствие.

- О, конечно, конечно, Фатима. Мы обязательно должны доиграть партию. Садитесь...

Усаживаются за шахматы.

77

Тимур и Туркан. Тимур облачается в знакомое нам одеяние нищего, наклеивает усы, бороду и т.п.

- Я узнал, что Саллех собирался послать к отцу девочки сватов.

- Кто Саллех?

- Сын темника.

- Ты возьмешь ее в жены?

- Сие ведомо только одному Аллаху.

- Так что мне с ней делать?

Тимур накладывает на лицо последний штрих... Затем они через двор идут к воротам и Тимур – «нищий» говорит сестре:

- Вы спрашиваете, сестра, что вам делать с ней. Вот мой ответ, сестра: делайте с ней все, что делали до сих пор...

78

Тимур – «нищий» продирается сквозь толпы людей на самаркандском базаре. Останавливается у знакомой площади, на которой снова (!) возобновили свои работы плотники.

- Над чем трудитесь, уважаемый мастер, - интересуется Тимур –

«нищий» у одного из мастеровых.

- Зрячий и сам видит над чем. Смотри и пошевели мозгами, божий человек, - отвечает тот нехотя. Нам некогда языками трепаться.

Откуда ни возьмись к Тимуру – «нищему» протискивается знакомый нам завсегда такой подобный зрелищ – человек в чалме с книгой подмышкой – Джафари.

- Я вам скажу, божий человек, слушайте. Вы видите перед собой помост для предстоящих казней. Есть еще вопросы?

- Казни? О, боже! Кто заслужил сию участь, апенди? И за что?

- О, я вижу, вы человек не местный... Так слушайте. Печальная участь – да, простит им Аллах за все прегрешения! – ожидает... купца Дауда сына Али и ювелира Абдельмалика. За что? – шепчет человек в тюрбане. – Говорят за сокрытие от государственного ока... богатств... и людей...

- Богатств? Людей?

- Говорят, в Самарканд прибыл посланник эмира – теперь поняли?

- И что же?

- Вот он и затеял от имени эмира все это. Он намерен собрать из самаркандцев рать... Ну, тысячу... Вот это и порождает богопротивные дела... Теперь ясно?

Человек в тюрбане также таинственно исчезает в толпе, Тимур – «нищий» следует дальше.

формирования воинской тысячи:

Вот воины «прижали» некоего богатея...

- Клянусь Аллахом, нет у меня никаких богатств! Все съедено! Пошло прахом, добрые люди! – клянется богатея.

Из боковой двери втаскивают двое воинов с грохотом, не церемонясь, ставят на пол кованный сундук. Старший взмахом руки дает команду открыть сундук. Открывают. И что же! Сундук оказывается доверху наполненным драгоценными камнями и металлом.

- Это что!? – гневно кричит старший.

«Богатей» падает на колени:

- Пощадите!

«Богатея» выволакивают из помещения...

А вот короткий эпизод патриотического содержания.

Другая группа воинов. Перед ними бравый мужчина лет 50, видимо, судя по одеянию, кузнец, но, возможно, и другой рабочей профессии. «Бравый» стоит не один – рядом с ним стоит внушительного вида детина – его сын. «Бравый», положив руку на плечи сына, говорит:

- Вот мой сын – он готов взять в руки меч хоть сейчас. Верно говорю, Махмуд?

Махмуд согласно, явно любуясь собой, кивает головой...

А вот перед группой вербовщиков стоят трое парней. У каждого из них луки. И снова команда натянуть луки. Двое справляются достаточно легко, чего не скажешь о третьем, щупленьком мальчишке с длинной гусинообразной шеей. Мальчишка старается и так, и эдак, но натянуть тетиву лука ему не под силу. Эпизод с мальчишкой вызывает

гомерический смех присутствующих на этих смотрах...

А вот незнакомый самаркандец вербовщикам показывает коллекцию оружия и военных доспехов:

- Вот! От меня дар! Пусть монголы почувствуют силу Мавераннахра!...

А вот загружают телеги тюками, которые выносят воины из склада некоего, видимо, купца, которого держат под руки...

А вот и огромные толпы зевак у знакомого помоста, где все готово к кровавому шоу. На помост выводят знакомого нам ювелира – подводят к плахе, около которой в ожидании застыл палач. Рядом глашатай зачитывает приговор:

- За преступное сокрытие богатств, принадлежность которых казне несомненна, а также за действия, порочащие славное имя и достоинство гражданина Мавераннахра и многие другие богопротивные преступления наказать гражданина Самарканда... путем отсечения головы.

Сопротивляющегося купца... укладывают на плаху. Палач делает взмах и...

А вот к плахе подводят другого...

А вот перед гарцующими на конях Тимуром и его соратниками небольшая группа вооруженных уже рекрутов. Один из соратников, скорее всего Чеку, дает команду рекрутам образовать строй, изготовившись к встрече... мнимого противника и т.д.

То есть приведенные выше кадры должны информировать в весьма сжатой форме о деятельности Тимура – посланника эмира в Самарканде...

Кеш. Живописные окрестности Кеша. Там и сям видны группы всадников. Эмир Кеша Казанган со своей свитой на охоте. Предприятие, т.е. охота, как и следует ожидать, выглядит помпезно, так, как и должна выглядеть царская охота. В свите Казангана мы видим немало знакомых по предыдущим эпизодам лиц. Тут – сын Казангана Абдаллах, дядя Тимура Хаджи Барлас, сын Боролдая Саллех, глава канцелярии Казангана, люди, которых мы видели в «приемной» эмира во время беседы Тимура с Абдаллахом и др.

И здесь в свите Казангана на наших глазах включится механизм Его Величества Интриги.

- Эй, Саллех, я хочу, чтобы вы были рядом со мной. Мне приятно ваше соседство, сын мой, - громко говорит Казанган и почти шепотом молвит сыну Абдаллаху. Пожалуй, не понадобится нам искать хозяина злополучной стрелы.

Саллех с приятелем присоединяются к Казангану. Это происходит в течение считанных секунд. Но каких секунд! Саллех успевает бросить многозначительный, явно с намеком, взгляд некоему всаднику, тот – следующему, следующий – дальше и т.д. Последний в этой своеобразной загадочной «эстафете» незаметно отъезжает в сторону...

Перед охотниками – панорама: узкая и достаточно ровная долина, вытянутая вдоль реки, с ложбиной сбоку. Долина с обеих сторон как бы зажата уступами лесистых холмогорий...

А вот к одному из укрытий подъезжают пятеро вооруженных людей, привязывают коней, удобно устраиваются с луками... Вид долины отсюда, из укрытия, не менее впечатляющий...

Устроитель охоты показывает рукой на боковую ложбину вдали:

- Оттуда начнется гон...

Охотники молча и сосредоточенно вглядываются вдаль... Еще более сосредоточены «киллеры» - лучники...

Вдали – нарастающие шумы (улюлюканья, выкрики)... Вот из ложбины в большую долину выбегают олени...

Устроитель охоты взмахом руки дает старт охоте.

- Пошли! – весело и азартно кричит Казанган.

Огромная группа охотников врывается в долину. В бешеной скачке смешались Казанган... Абдаллах... Хаджи Барлас... Саллех... вспененные морды коней... оленей – газелей... Цоканье копыт о каменистую почву... выкрики людей... лучшая лошадь, разумеется, под эмиром Казанганом – он, Казанган, забыл об осторожности. Вырывается вперед... в полной готовности и киллеры... Охотники все ближе и ближе. Вот они почти рядом. Тетива луков натягиваются до предела, а у двух киллеров приведены в исходное положение арбалеты – в прицеле их скачущий впереди эмир Казанган... А вот стрелы пущены. Мгновенье – другое и эмир Казанган странно припадает к седлу, роняет лук. К нему, вовремя опомнившись, бросаются соратники, хватают за повод коня... Вокруг смертельно раненого эмира скучились остальные охотники, лица их, в том числе и Саллеха, полны сочувствия, сострадания, сожаления, т.е. всего того, что испытывают люди при потери любимого человека. И здесь – печать нескончаемых придворных интриг в смеси с ханжеством. Правда, кое – где в этой «банке скорпионов» можно увидеть и всплески искренних чувств. Кое-кто из свиты замер в поклоне перед плачущим... Абдаллахом...

- И этот... ребенок... сопляк... станет эмиром великого Мавераннахра! – говорит язвительно Байан Сулдус.

- Почему «станет» - он уже стал им, - не менее осуждающе вторит тому Хаджи Барлас, - Смотрите!

К плачущему подходит глава канцелярии:

- Каковы ваши указания, ...высокочтимый эмир!...

Однако горе Абдаллаха безутешно, он по-прежнему плачет... А протыканное стрелами тело Казангана накрывают покрывалом...

81

В «приемной» эмира... Абдаллаха знакомая нам суета «очередников», среди которых знакомые лица: Хаджи Барлас, Байан Сулдус и, главное, Саллех с дружками. К ним выходит глава канцелярии, который тут, на глазах у всех, вручает гонцу свернутую в трубочку бумагу:

- Повеление всемилостивого эмира Абдаллаха: скачите в Самарканд! Повелевается тысячнику... Тимуру сыну Торгая вернуться в Кеш и немедленно предстать перед очами нашего всемилостивого эмира Абдаллаха – да поможет вашим усилиям всевышний Аллах!

Гонец кланяется, пятась, выходит. Глава канцелярии раскланивается с «очередниками», обменивается загадочными взглядами с... Саллехом...

- Ваши надежды стать темником, уважаемый Саллех, и тем самым унаследовать на деле славу отца, кажется сбываются, - говорит Саллеху один из «очередников», щеголеватый молодой человек.

- С помощью всевышнего Аллаха, - отвечает Саллех и тут же оборачивается к стоящему неподалеку главе канцелярии.

- Вас, уважаемый Саллех сын высокочтимого Боролдоя, эмир намерен принять вместе с тысячниками по прибытию из Самарканда тысячника Тимура сына Торгая, - говорит глава канцелярии, бросив на Саллеха заговорщицкий взгляд.

- Вы сказали: «по прибытию тысячника Тимура»?

- Вы не ослышались – я именно так и сказал: «по прибытию тысячника

Тимура»...

Внимание «очередников», разумеется, откровенно приковано к беседе главы канцелярии и Саллеха...

82

Одна из ям (почтовых учреждений) между Кешем и Самаркандом. Во двор врывается (из 9-10 человек) группа всадников во главе со знакомым гонцом. Навстречу всадникам – гонцам выходит встревоженный хозяин. Гонец показывает бляху:

- Именем эмира! Немедленно коней! Живее!

Всадники спешиваются, садятся на свежих коней, заранее заседланных, готовых к следующему стремительному конному переходу. Всадники выезжают из двора...

83

Самарканд. Тимур с ближайшими соратниками. Перед ними – гонцы.

- Вам, доблестный Тимур, послание всемилостивого эмира Абдаллаха с пожеланиями вечной любви и дружбы, - молвит гонец, протягивая Тимуру послание.

Гонец, раскланявшись, уходит.

Воцаряется напряженная тишина... Тимур, прочитав послание, словно «переваривая» прочитанное, достаточно долго молчит. Молчат в ожидании и другие.

- Эмир Казанган убит на охоте, - медленно и несколько растерянно

произносит Тимур, машинально сворачивая в трубочку послание.

- Шакалы! – говорит коротко с ненавистью Чеку.

- Эмир... Абдаллах... повелевает немедленно следовать в... Кеш...

- Именно тебе, Тимур?

- Нам... всем!

- Когда?

- Немедленно... сегодня... сейчас – понятно сказал? Собирайтесь в путь!

Люди шумно следуют к выходу.

- Чеку! Задержись – есть дело.

- Да, Тимур!

- Почему не спрашиваешь, как быть с девчонкой?

- Считаю, что спросил.

- Ее берем с собой – ясно?

Чеку молча кивает головой, идет к выходу. Тимур остается один, на лице его – печать растерянности, которая на наших глазах исчезает, трансформируясь в жесткую уверенность, столь характерную для характера Тимура.

дороге движется отряд Тимура из двух – трех групп верховых воинов, между которыми телеги со скарбом, а одна, небольшая, крытая, с деревянными, довольно громоздкими скрипучими колесами. Во главе первого отряда Тимур, рядом с Тимуром мы видим его верного соратника Чеку Барласовца и... мальчика Хамида, лицо которого излучает неприкрытую гордость: Еще бы! Он в буквальном смысле «на коне», к тому же рядом с такими воинами!... Вот Тимур придерживает коня и когда крытая телега поравнялась с ним, концом плети одергивает матерчатую ширму – занавеску... Жамбы с Фатимой вздрагивают, увидев Тимура, который долго – долго пристально, почти не мигая, разглядывает Жамбы, да так, что девушка, осмелев, нарочито, гневно задергивает занавески. Однако Тимур настойчиво повторяет свои действия- распахивает занавески вновь и после очередных «гляделок» наконец-то, изобразив на лице подобие улыбки, спрашивает:

- Я такой страшный?

Девушка, прижавшись к подруге, предпочитает молчать.

- Я спрашиваю: вы в моем лице встретились с... иблисом – я похож на иблиса? Почему молчите?

- Потому – что не знаю, за кого вы держите нас?

- Вы мои гости – разве не ясно?

- И только?

- Вам этого мало? – на вопрос вопросом отвечает Тимур.

Жамбы вдруг, правда, сдержанно, улыбается – прозрачный намек на то, что почти готова к диалогу. Но что это? Тимур, движимый некоей непонятной ей душевной силой, кончиком плети задергивает ширму – занавеску, медленно направляется к головному отряду, но на полпути невольно останавливается, услышав сзади смех девушек...

85

Отряд перед закатом солнца по команде Тимура останавливается в живописной лесисто-холмистой местности. Тимуром решено переночевать, чтобы затем рано утром продолжить путь в Кеш.

Подготовка к ночевке с непременно ужином. Телеги становятся в центр бивака, тут же складывается хворост для костров.

Жамбы и Фатима на некотором отдалении от бивака любуется открывшимся видом: широкая, утопающая в зелени долина, вдали – едва уловимые в дымке очертания гор. Жамбы понять не трудно: после долгого заточения в доме Туркан и Мухамада любой вздох свободы кажется блаженством.

- Даст бог, следующую ночь мы встретим у родного очага, - за спиной слышится голос Тимура.

Фатима тотчас ретируется, оставив Тимура и Жамбы одних.

Жамбы смущенно оборачивается. Это рождает навязчивое видение: девочка Жамбы выходит на берег реки..

- Я не Иблис, я барласовец Тимур сын Торгая...

Жамбы улыбается.

- Мне ни разу не пришло в голову, что вы Иблис.

- Вот от чего ты спрашивала, хочу ли я на тебе жениться, ведь спрашивала?

Жамбы слова Тимура привели в смятение.

- Вот мой ответ: нет, жениться не стану, я поступлю иначе... я возьму тебя в жены. Ты станешь второй женой. А теперь спроси: почему? – и не дожидаясь ответа, продолжает: - потому – что ты... красивая, потому что ты из нашего племени барласов, потому – что, я уверен, ты родишь мне сына!...

- А разве твоя жена... Айджал не в состоянии родить сына? – осмеливается вставить «шпильку» Жамбы, отчего неожиданно Тимур взрывается.

- Я надеюсь, девочка, в последний раз слышу об этом!

- Простите.

- Повторяю: в последний раз!

- Я могу идти?

- Иди.

Жамбы уходит. К Тимуру подходит Чеку Барлас.

- Тимур!

Такое впечатление, что Тимур, углубившись в свои думы, не слышит зова приятеля. Но это не так.

- Говори. Я слушаю тебя, мой друг, - словно очнувшись, произносит Тимур.

- Я, кажется, догадываюсь, что тебя беспокоит, Тимур.

- Скажи, что?

- Тебя свела с ума эта девочка.

- Ты хороший воин, Чеку, и у тебя длинный сладкий язык, но провидец из тебя плохой – смотри, что видишь перед собой?

Чеку Барлас в замешательстве:

- Как что? Степь... лес... земля...

- А если я тебе скажу, что это земля – Мавераннахр...

Чеку Барлас весь – внимание.

- Я думаю... об Абдаллахе...

- Достаточно ли силен эмир Абдаллах, сможет ли удержать в своих руках все это? Вот что беспокоит... А ты ... Ладно... пора подумать об обеде...

86

Звездное небо. Стрекот цикад. На фоне горизонта – фигура бдительного стражника. Люди из отряда Тимура спят. Прямо на земле, подложив под голову седла, лежат рядом Тимур и Чеку Барлас. Тимура по-прежнему не отпускают думы, он молча смотрит в небо. Но что это? Где-то невдалеке послышались странные шумы, которые как будто бы нарастают. Тимур толкает в бок спящего приятеля:

- Слышишь?

Чеку Барлас, мгновенно сообразив, вскакивает на ноги:

- Шакалы!

Вскакивает на ноги и Тимур. Еще мгновение – и все превращается в ад. На бивак со всех сторон врываются вооруженные люди Саллеха. Естественно, Тимур не только не остается в стороне – он в самой гуще сечи. Рубится он отчаянно и умело. Неподалеку от него демонстрирует свое искусство Чеку Барлас. Лязг металла, полет стрел, выкрики воинов, полные ужаса глаза женщин – словом, ад... Команда Тимура: “К телеге!” явно запоздала: стрелы вонзаются в телегу, в которой укрылись женщины – здесь происходит событие подлинно трагического накала: одна из стрел сквозь полотно матерчатой ширмы вонзается в грудь Жамбы – девушка, вскрикнув, падает на руки своей подружки... Во время сечи происходит любопытный эпизод: мальчик Хамид в страхе пытается спрятаться, но... и “свой”, и “чужие” почему-то его “в упор” не замечают, сражаются друг с другом едва ли не в шаге от него, либо пробегают мимо – большой “кусок” сечи мы увидим глазами именно мальчика Хамида, который видит это, забившись в конце концов под колеса телеги...

Но вот кровавая сеча подходит к развязке: нападавшие, оставив трупы, панически исчезают; отряд Тимура вернее, часть его, оставшаяся в живых, празднует победу...

Однако не всем в радость победа: Тимур с Чеку и с воинами-факельщиками подходит к крытой телеге, Чеку раздвигает занавески – перед Тимуром предстает страшная картина: Фатима в слезах держит в объятиях Жамбы... Тимур потрясен, в голове его мысленно “прокручиваются кадры” недавней их встречи: перед ним возникает образ живой девушки Жамбы – ее слова: “А разве твоя жена... Айджал не в состоянии родить сына?...”

К Тимуру тут же подводят упирающихся пленных...

- Кто это сделал!? – спрашивает Тимур.

- Поверьте, господин, это сделал не я! – падает на колени один из пленных.

- Не я! – в ужасе клянется второй... третий.

- Аллах свидетель, мы не знали! Мы не знали, что девушки в этой телеге! – говорит следующий. – Смилуйся, доблестный Тимур!

Однако Тимур неумолим:

- Кончайте!

К пленным устремляются воины Тимура и вскоре на пяточке у крытой телеги образуется кровавая жестокая “мясорубка”

87

Дворец эмира в Кеше. Эмира Абдаллаха и Тимура мы застаем в тронном зале в тот момент, когда эмир, роскошным платочком вытирая с глаз влагу, говорит Тимуру:

- Минуло полгода с тех пор, как мы остались без нашего отца. Но ни слова об этом мой сын! Поговорим о другом.

- Я готов служить своему эмиру – отцу. Прикажите, что должен я сделать для вас? Что и кто вас беспокоит?

- Вот вопрос, достойный сына и доблестного воина!... Не скрою меня беспокоят... ваш дядя... Хаджи Барлас и его... дружок... этот пьяница Байан Сулдус. Вот почему здесь вы, мне нужны мои люди! – говорит Абдаллах и хотя рядом нет никого, кроме стражников, застывших вдали у дверей, он знаком просит собеседника наклониться к нему и когда тот исполняет просьбу, произносит на ухо полупшепотом. – Не кажется ли вам, сын мой, что столицей Мавераннахра должен быть... Самарканд?

- А Кеш?

- О, нет! Нет! Пожалуйста не говорите мне о Кеше... Пожалуйста, ни звука! – Тимуру на миг – другой кажется, что это «ни звука» связано с

размышлениями о возможности переноса столицы, но, оказывается, что внимание эмира отвлекло пение перепелки. – Слышите! Как поет! Какие переливы! Вам в Самарканде не приходилось видеть... бои перепелов?

- В Самарканде много истинных любителей перепелиного пения и... перепелиных боев, - говорит не без иронии Тимур.

- Я полагаю, вы правы: да Самарканд стал бы достойной столицей великого Мавераннахра. Но...

- Что «но», сын мой, договаривайте!

- Подоспело ли для этого время?

- Разве поторопить время не в наших силах? – говорит «глубокомысленно» Абдаллах. – Кеш и... Самарканд – разве выдержит сравнение общипанный напополам дрозд с набирающим высоту лебедем?

- Но гнездо дрозда – гнездо и Хаджи Барласа. Захочет ли он, чтобы это гнездо было разорено?

Абдаллах долго молчит, а затем молвит и в его словах мы слышим едва ли не по-детски неприкрытые флюиды искренней тревоги:

- Я долго живу в Кеше, сын мой, но он для меня большая загадка. Сейчас тем более... И дело, конечно не в пении перепелок – скажу откровенно: здесь, для меня, каурнасца, нет гарантии... ну, этого... спокойствия...

88

Хаджи Барлас, Байан Сулдус с соратниками, среди которых мы видим и... Саллеха. Перед ними Тимур.

- У меня нет секретов от моих друзей – выкладывай, не опасаясь, дорогой племянник, с чем ты пожаловал ко мне, по велению кого?

- Я буду говорить от себя, но и... от имени всемилостивого эмира Абдаллаха.

- Все слышали, мой дорогой племянник Тимур сын Торгая говорить от имени... этого... эмира Абдаллаха – слышите – э-ми-ра!...

На лицах сторонников Хаджи Барласа и Байана Сулдуса появляются иронические улыбки.

- Что повелел сказать мне этот любитель птичек? – продолжает Жаджи Барлас и его слова вызывают взрыв веселья. – Этот знаток роз? Этот слюнтяй? Хотя я догадываюсь о чем. О переносе столицы в Самарканд?

- Да, об этом и о другом.

- Говори. Здесь свои.

- Эмир просит передать вам, дядя, и вам, достопочтенный Байан Сулдус, свое искреннее чувство любви; он желает, чтобы между ним и вами всегда царили мир и добрые деяния!

- Слышали! – Хаджи Барлас окидывает взглядом своих сторонников. – Он нас любит! Меня... тебя, Байан Сулдус... Тебя, Саллех сын Боролдоя... тебя... тебя... всех нас! Вы довольны? Вот что скажу на это: не быть миру, пока Абдаллах не покинет Мавераннахр! Я прав, господа? – вопрошает Хаджи Барлас. – Я прав, Байан Сулдус?

- Не быть миру! – отвечает тот.

- Наплевать на его любовь! – солидарен с Хаджи Барласом Саллех сын Боролдоя.

Тимур обескуражен, он не очень-то надеялся на успех, но что бы миссия его завершилась – такое не могло присниться и в самом плохом сне. И

все-таки, несмотря на это, он старается держаться, как подобает представителю эмира.

- А сейчас, господа, позвольте мне поговорить с племянником наедине.

Хаджи Барлас берет под руку Тимура, и они удаляются под пристальными взглядами противников эмира Абдаллаха.

Вот они медленно шагают у городской стены.

- Надеюсь, ты убедился, что этот... как ты называешь, эмир.... Твой теть... наш кум Абдаллах жалок и смешон.

Тимур молчит.

- У него нет ничего, кроме сладкоголосых птичек и твоей ... тысячи... его поход в Хорезм – позор и только!...

Тимур молчит.

- Ты видел своими глазами, какие орлы с нами...

Перед глазами Тимура – панорама лиц – противников, с которыми он только – что встречался. Причем, при каждом упоминании «орла», Тимур старается восстановить в памяти его облик. Между тем Хаджи Барлас называет Байан Сулудса... второго... третьего...

- Один Саллех сын Боролдоя чего стоит! Настоящий воин! Убежден: он займет место отца!...

При упоминании Саллеха в памяти Тимура всплывает воспоминание: он, Тимур, с Чеку Барласом, протягивают сельскому кузнецу, до сих пор нам незнакомого, две стрелы. Тот, внимательно осмотрев, возвращает их со словами: да это моих рук изделия для... важного господина из Кеша... сына Боролдоя... Саллеха...

Вслед затем – другое воспоминание: при свете факелов предстает

облик... убитой Жамбы!...

И это – голос Хаджи Барласа:

- Ты не ответил: с кем ты, мой племянник?

- Я служу эмиру Мавераннахра, дядя!

- А интересы барласевцев... нас, северян,... я... твои родичи? Или тебе дороги новые родичи?

- Я ответил, дядя.

- Значит, мы враги?

- Я ответил, дядя! – говорит тихо, но твердо Тимур. – Я поклялся эмиру. Я обязан держать слово, дядя, именно потому что я барласовец, дядя.

89

Базарная площадь Кеша кишит людьми. Чеку (в гражданском) с приятелем и мальчиком Хамидом медленно продираются сквозь толпы людей. Взрыв хохота где-то неподалеку заставляет наших героев остановиться... Что это? Минуту – другую они буквально протискиваются вперед. И – вот! Перед ними на самодельной «сцене» самостийные «артисты» забавляют зевак кукольным представлением. И – каким!? Одна из кукол имеет большое сходство с эмиром Абдаллахом. И вся сценка, как сказали бы сейчас, антиэмировская. Суть сатиры кукольников – мягкость натуры эмира, любовь его к птичьему пению в ущерб государственным занятиям, ненужный поход в Хорезм, стремление перенести столицу в Самарканд – нечто, объединяющее все названное в единое. Словом, есть от чего веселиться зевакам базара... Чеку удивлен неприкрытой критике эмира... А вот, трое наших героев у другой толпы зевак, где некий мужчина – это напоминает современный Гайд-парк и подобные тусовки – во всю расхваливают

Хаджи Барласа.

- До каких пор мы барласовцы будем довольствоваться обедками южан. Пусть достойнейший из достойных Хаджи Барлас укажет нам путь к победе! – призывает мужчина. И его слова вызывают едва ли не всеобщее ликование.

А вот наши герои у следующей группы горлопанов. Разница в том, что здесь «поют» дифирамбы соратнику Хаджи Барласа – Байану Сулдусу. Здесь, судя по всему, собрались карнаусовцы...

А вот – разнузданная группа воинов, явно разомлевших от кумыса, но, возможно, и еще от чего-то более горячительного (несмотря на мусульманское табу), терроризирует торговцев...

- Кто они? – спрашивает Чеку у прохожего.

- Это воины из тысячи Саллеха, - следует ответ.

У Чеку «отвисает челюсть»...

Приведенные выше эпизоды в сумме должны отразить политический реалий в Кеше, а значит и в Мавераннахре в целом...

90

Еще один эпизод из смутного времени: покои эмира Абдаллаха. Эмир Абдаллах и Тимур вдвоем, не считая, разумеется, стражу, застывшую у дверей.

- Мне кажется против меня восстало само небо, - говорит вконец расстроенный Абдаллах. Что хотят от меня ваш дядя Хаджи и... этот Байан! Что, мой сын?

- Их смутило ваше намерение...

- Сделать столицей великого Мавераннахра прекрасный Самарканд?

- Не только.

- Им нужна власть? Ха-ха-ха! – нервно, осушая великолепным платком влажные глаза, смеется Абдаллах. – Хорошо, я уступлю свое место, – показывает на трон. – Может это поможет им излечит мягкие места ниже спины, - ха-ха-ха! Да, простит им великодушный Аллах! За неблагодарность, за посеянные в сердцах мавераннахарцев семена смуты!... Но что нужно простодушным людям!7 Разве замучил их голод!? Мор!? А... это животное... монгол... дикарь... Туглук... Тимур – тебе приходилось слышать об этом человеке?

- Но он еще и хан – кому не известен хан монголов?

- Хан Туглук Тимур и во сне не расстается с мечтой о Мавераннахре.

- Разве в состоянии ваш дядя противостоять монголам? Ха-ха-ха! Кто Хаджи Барлас... в сравнении с Туглуком Тимуром! С дикарем!? Чудовищем!? Плахой для Мавераннахра!?

Воцаряется довольно продолжительная пауза, которую прерывает все тот же Абдаллах. На этот раз он говорит тихо и обречено:

- Я хотел построить – Аллах тому свидетель! – великий Мавераннахр! И многое для этого сделал...

Тимур невольно, как бы нехотя, изобразил на лице нечто солидаризирующее с эмиром.

Абдаллах между тем продолжал:

- Но,... мой сын, я устал, устал, устал! Я решил... я решил покинуть... Кеш...

Долгая пауза и только чуточку метнувшиеся из стороны в сторону глаза стражника, да, как бы в насмешку, раздавшееся пение перепелки,

говорили о том, что в покоях эмира отнюдь не остановилась жизнь.

Но вот Тимур отвечает, при этом чеканя каждое слово:

- Любое ваше решение я приму как сын и слуга.

На глаза Абдаллах наворачиваются слезы – он шепчет, как обыкновенный человек, обремененный житейскими нескладухами:

- ...Я ненадолго... я вернусь...

Они медленно следуют по знакомому всяческому саду и Абдаллах продолжает свою грустную речь:

- Мое убежище... мой сад... мои певуны...

Абдаллах подходит к одной из клеток, достает испуганную птаху – молвит:

- Нет, нет, я тебя не собираюсь оставлять... мы покинем Кеш вместе...

91

А вот еще эпизод из смутного времени.

Толпы горожан перед дворцом эмира. Всеобщее ликование. Незнакомый старичок, опираясь на посох, спрашивает:

- Что здесь происходит, молодые люди?

- Эмир Абдаллах бежал – вот что, отец!

- Что? – старичок прикладывает ладонь к уху.

- Абдаллах бежал! – кричит один из «молодых людей», поняв, что со слухом у старичка обстоит не лучшим образом.

- Как бежал!? Почему!?

- Потому – что жить хочется, вот и бежал, дедушка!

- Почему люди радуются сынок?

- Почему? Почему? А вот почему, старый, - говорит другой молодой человек, взяв в охапку маленького иссохшего старичка и поставив его на стоявшую рядом телегу. – Смотри и порадуйся с нами!

Мимо торжественно, приветствуя людей, едут со своими соратниками Хаджи Барлас, Байан Сулдус.

- Едет наш Хаджи, отец, - забыв о старичке, кричит первый. – Абдаллаха на плаху!

- На плаху! На плаху! – слышатся душераздирающие там и сям выкрики...

В толпе на фоне проезда мятежников обмениваются репликами двое горожан:

- Слышали, Хаджи Барлас лишил своего племянника его тысячи?

- Тимура сына Торгая?

- Вы не ослышались – именно Тимура сына Торгая.

- Но тысяча не мешок с бобами – что он сделал с этой тысячей – не мог же он ее скушать?

- Он передал ее...

- И кому досталась тысяча племянника?

В свите главарей мятежа узнать Саллеха нетрудно: у него красиво подстриженная борода, красивое одеяние – щеголь и только!

А вот ему. Узнаете! – указывают на Саллеха, лицо которого излучает неприкрытую радость.

- Сыну Боролдая? Саллеху!?

- Что будет с Тимуром!?

- Это известно одному Аллаху!

92

Тот же вопрос адресован... Чеку... мальчиком Хамидом. Чеку, секунду – другую поразмышляв, со словами «сейчас узнаем» поднимается, подходит к Тимуру, но тот, определив вопрос Чеку, произносит:

- Мы уходим, мой дорогой друг... но сначала...

Чеку озадачен:

- Куда? Зачем?

- Сначала... вот что? – Тимур протягивает Чеку стрелы.

- Что это!?

- Ты еще не обмозговал?

- Стрелы Саллеха!

Тимур молчит. Обмениваются красноречивыми взглядами.

- Кажется, понимаю...

- Кажется или понимаешь?

- Понятно, Тимур!

- Сколько нас?

Чеку чуточку задумался.

- Сардар, Зайнудин... Ты знаешь, я стою сотни, - не удержался - похвастал Чеку.

На лице Тимура промелькнуло нечто, смахивающее на улыбку.

- Мне нужны две сотни – где взять остальные...

- Наскребем, если понадобится и тысячу, Тимур!

- Две сотни – не больше, - говорит Тимур. - Но и не меньше.

- А как быть с братьями Саллеха... с Юсуфом... Каримом?

Тимур отвернулся к окну: там за окном виден кусок городского пейзажа с вороньем в небе, летящего в предзакате к теплу.

- Я пойду, Тимур!

- Это... - Тимур останавливает Чеку, показывает на его колчан.

- Ах, да, - спохватился Чеку, вернул Тимуру стрелы, которые машинально вложил в свой колчан.

Тимур положил их на место, снова отвернулся к окну, к кровавому

закату.

93

Чеку застаёт мальчика Хамида за занятием по стрельбе из лука. Мальчик, пыжась, надув щеки, натягивает тетиву. Но вот – выстрел – стрела вонзается чуточку в стороне от цели. Чеку останавливается у порога, секунду – другую наблюдая за действиями мальчика Хамида.

- Плохо, - даёт он сходу оценку выстрелу. – С таким умением нам быть не воинами, а держаться за маменькины сиськи! – и уже собираясь выйти, спохватывается: - Ты спрашивал о Тимуре. Что будет делать? Без тысячи? Так вот запомни. Наш доблестный Тимур... собирает... караван... э-э-э... в далекий Багдад...

- В Багдад!?

- Да, в Багдад.

- Зачем?

- Зачем – зачем? За... финиками... Понятно? Но об этом – никому. Ни слова!

Мальчик Хамид молча, по-взрослому понимающе, кивает головой.

94

Саллех с немногочисленной свитой из таких же как и он, в нарядных одеяниях и веселых людей, шумно возвращается в город из загородной прогулки. Саллех подзывает брата Юсуфа и громко, явно с расчетом на слух всей свиты, даёт указание:

- Скачи во весь дух домой – к нашему приезду, чтобы дастархан был готов! – и обращается к приятелям: - Ну, как, господа, расслабимся?

Веселое оживление.

А вот скачущий действительно «во весь дух» Юсуф.

А вот – засада: большой, извилистый, заросший по обеим сторонам, деревьями и кустарниками лог. Среди затаившихся в засаде людей, разумеется, и Тимур с верным Чеку...

А вот к засаде приближается... приблизился Юсуф. Чеку натягивает тетиву лука, но Тимур дает взмахом руки приказ: «Не трогать! Пропустить!» Чеку опускает лук, то же проделывают другие...

...Юсуф скачет дальше...

А между тем к месту засады приближается Саллех с дружками. Вот они сблизились настолько, что Тимур находит возможным начать. Технология засады проста и знакома каждому из нас: сзади и спереди свиты обрушиваются деревья, таким образом захлопнув ловушку. Свита Саллеха в смятении. После нескольких попаданий из лука двое – трое из сторонников Саллеха падают замертво. С устрашающими возгласами со всех сторон сторонники Тимура берут в кольцо Саллеха с оставшимися его людьми.

- Я тысячник! Я Саллех сын Боролдоя! Вы поплатитесь! Я сдеру с вас шкуры! Четвертую! – вот далеко неполный перечень угроз главы свиты.

Однако тщетно. Воины Тимура с неистовым Чеку стаскивают людей Саллеха с коней, отводят их в сторону. Кучкуют. Саллех по-прежнему буйствует, полагая пленение недоразумением или обычным разбоем несведущих людей. Но вот живое кольцо расступается, его охватывает прямо – таки животный страх:

- Ты... Тимур!?

- Вот мы и встретились! – произносит жестко Тимур. Он бросает на жертву взгляд, который из ястребиного на какое-то мгновение трансформируется в нечто другое и тогда... на секунду – другую перед ним возникает образ Жамбы:... Жамбы улыбается – говорит: «Мне ни разу не пришло в голову, что вы Иблис»... И обрывок его ответа: «Я возьму тебя в жены... потому – что ты красивая, потому – что ты из нашего племени...». Следующее видение вызывает у Тимура ярость. Это – короткое, как вспышка молнии, воспоминание о скончавшейся только что от ран Жамбы...

Тимур берет из рук своего воина лук, бросает его Саллеху.

- Один из нас умрет шакалом! – бросает Тимур и... достает из колчана знакомые стрелы.

У Саллеха отнюдь не геройский вид, однако у него хватает сил в какой-то степени взять себя в руки – он прикладывает к тетиве стрелу, То же, но, разумеется, уверенно и умело проделывает и Тимур. «Болельщики» – в нервном напряжении. Особенно Чеку, который спрашивает:

- Мне дать команду?

Чеку делает взмах рукой.

Тимур опережает визави – Саллех со стрелой в груди роняет из рук оружие и в этот миг Тимур успеваеет вонзить в него и вторую стрелу. Саллех падает навзничь.

- А с этими? – спрашивает Чеку.

- Кончайте! – говорит сквозь зубы Тимур.

Тотчас же на пленных набрасываются с саблями воины Тимура, начинается и вскоре заканчивается ужасная кровавая бойня.

Воцаряет тишина.

- Шакал испустил дух, орел воспарил к облакам! – восклицает Чеку.

Тимур не реагирует, он вытирает со лба пот.

95

Кеш, по узкой лестнице движется повозка... Останавливается перед воротами. Извозчик стучит в ворота. На стук раскрывается потаенный глазок.

- Что тебе?

- Это дом Саллеха сына Боролдоя?

- Любая тварь знает: да, дом доблестного Саллеха.

- Саллеху – посылка. Где сам доблестный Саллех?

Ворота открываются.

- Кто спрашивает Саллеха? – спрашивает пришедший на зов Юсуф и с ним еще двое. – Где посылка?

- А вот! Говорят из Багдада. С финиками, - извозчик показывает на сундукообразный предмет с красивой крышкой.

- Саллех задерживается. Давай посылку.

- Берите, добрые люди.

Мужчины сгружают сундукообразный предмет, уносят во двор. Извозчик, выдержав положенную паузу, изо всех сил бьет коня... мчит по улочке... сворачивает... исчезает за поворотом...

96

У сундука – Юсуф, Карим и еще несколько родственников Саллеха, слуги.

- Открывайте! Саллех не обидится. – Командует слугам Юсуф.

- Обижаться из-за фиников? Не таков брат, чтобы обижаться из-за пустяков, - вторит Карим.

Слуги вскрывают сундукообразный предмет. Перед глазами собравшихся родственников предстает груда тряпья. Люди в недоумении: где же финик? Но вот откидывается тряпье и перед родственниками предстает страшное зрелище, которое приводит людей в шоковое состояние. Еще бы! Под тряпьем показывается... труп Саллеха, пронзенный двумя стрелами!

Первым приходит в себя Юсуф.

- Да, я узнаю: это – дело рук... Тимура! Я принимаю твой вызов, Тимур!

97

Тимур и знакомый нам извозчик. Вот извозчик отлепил... искусственные усы и мы в нем узнаем... конечно же, Чеку. Чеку доволен своей находчивостью:

- Ну как, Тимур?

98

Тимур с верными сторонниками – друзьями. Их не более 10, если не считать жену Айджал, сидящую со своей служанкой в крытой легкой повозке, мальчика Хамида и извозчиков на двух телегах со скарбом. Друзья в военных доспехах стоят полукругом к своему лидеру, который перед тем, как тронуться в путь, произносит короткую речь.

- Жизнь складывается так, мои друзья, что мне оставаться здесь нельзя. Ни на один день. Может быть ни на один час. Чеку подтвердит мои слова.

- Подтверждаю, Тимур.

- Я не приказывал – вы сами пожелали присоединиться ко мне... Ты, Чеку... ты, Сардар... ты, Тюмень... ты... - Тимур называет по имени всех, казалось желая, удостовериться в искренности намерения каждого разделить его нелегкую судьбу. Каждого, кто, говоря современным языком, сделал ставку на него. Ставку притом довольно рискованную...

- А я? – неожиданно дает о себе знать мальчик Хамид, что вызывает веселое оживление, разряжает напряженную обстановку. Растаяло сердце и у Тимура – он обернулся к мальчику, подозвал к себе, потрепал по-отечески по голове!

- Ты решил быть с нами? Ты хочешь стать воином?

- Я давно решил.

Слова мальчика, незамысловатые, наивные, снова вызвали веселое оживление.

- Хорошо, мы берем тебя с собой. Постоим за родной Мавераннахр.

И снова – хохот!

- Смотрите, орел! – кричит один из воинов.

Тимур, следом и остальные смотрят, задрвав голову, вверх. Там, в небе, действительно над ними парит орел.

- Ты можешь попасть... в орла? – спрашивает Тимур мальчика Хамида.

Мальчик Хамид мотает отрицательно головой:

- Не-е-е... В орла не могу.

- Слышите, что сказал малыш – в орла не может попасть? Но может быть кто-то из вас, - обращается Тимур к соратникам, - попытается? Может быть ты Чеку?

- Шакала подстрелю с удовольствием, а этот... летает... разве я не прав, Тимур?

- На то он и орел, чтобы парить без страха в облаках... ты прав. А теперь, друзья в путь – да, сопутствует нам удача! Бис-сми-ля ир-рахмани рахим!

Отряд трогается в путь.

А в небе между тем по-прежнему парит орел.

Никто из этих молодых людей не знал, что один из них здесь, на необъятных просторах Центральной Азии, сделал первые шаги к восхождению на одну из высочайших вершин человеческой истории; никто из них не знал, насколько тяжелой будет дорога к этому восхождению.